

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

О. С. Иоффе
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ IV

Антология юридической науки

Олимпиад Иоффе
Избранные труды. Том IV

«Юридический центр»

2009

ББК 67.404.2

Иоффе О. С.

Избранные труды. Том IV / О. С. Иоффе — «Юридический центр», 2009 — (Антология юридической науки)

Открывая четвертый том, читатель получает уникальную возможность познакомиться с «поздним» Иоффе, трудами, созданными Олимпиадом Соломоновичем в США в период с конца 1990-х по 2005 год, в России работы публикуются впервые. Данный том также содержит ряд статей, вышедших в 50–70-е годы XX века и уже давно ставших юридической классикой. Для студентов, преподавателей юридических вузов, специалистов в области частного права, теории и истории государства и права, а также для всех интересующихся проблемами права.

ББК 67.404.2

© Иоффе О. С., 2009

© Юридический центр, 2009

Содержание

Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе	6
Воспоминания об О. С. Иоффе	9
Предисловие	11
Краткая характеристика последних работ Олимпиада Соломоновича	13
Иоффе – штрихи к портрету	19
К вопросу «О культуре питания»	20
Спорные вопросы учения о правоотношении[18]	22
1	22
2	24
3	34
4	40
5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олимпиад Соломонович Иоффе

Избранные труды. Том IV

© Наследники, 2009

© И. П. Грешников, предисловие, составление, 2009

© А. Г. Диденко, А. Г. Потюков, вступ. статья, 2009

© Д. М. Коротков, перевод, 2009

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

* * *

Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе

Я расскажу о некоторых фактах последних десяти лет жизни Олимпиада Соломоновича Иоффе. В чем-то я повторяюсь, поскольку об отдельных эпизодах я уже писал в предисловиях к его работам.

Классик правовой мысли, отметив свой 75-летний юбилей, принял твердое решение прекратить научную деятельность. Но, к счастью, под влиянием друзей эта решимость вскоре улетучилась. Все его работы после этой даты опубликованы в Казахстане, в основном в выпусках сборника «Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика». Темп подготовки статей О. С. Иоффе был настолько высок, что, подгоняя каждый выпуск под готовность его статей, за один год было издано 5 выпусков, хотя до этого предполагалось, что в результате больших усилий ежегодно можно выпустить от силы 2–3 номера. Быстрота публикаций в Алматы приводила его в восхищение.

Издание работ этого автора было непростым делом. О. С. Иоффе представлял работы в рукописном виде, написанные весьма трудным почерком. Мы перепечатывали рукопись и посылали в США на сверку. После корректуры процесс повторялся. Времени это занимало много, однако результат себя полностью оправдал.

Любопытно взглянуть на то, как возникали замыслы отдельных работ. Несколько лет назад я заехал к О. С. Иоффе и жил в соседней квартире, которую он снял для меня. Утром я приходил к нему, и он приступал к размышлениям о праве, политике, экономике постсоветского периода. Разумеется, в разговорах присутствовали какие-то мелкие бытовые вещи. Зашел разговор о плохой американской еде, и он с ностальгией вспомнил, что когда мог самостоятельно водить машину, то часто в одном хартфордском русском магазине покупал селедку и настоящий черный хлеб. Я решил доставить ему удовольствие, выяснил, где находится этот магазин, вызвал такси и поехал за селедкой. Надо сказать, что дом гостинично-санаторного типа для достаточно состоятельных пенсионеров, где проживал Олимпиад Соломонович с супругой Евгенией Лазаревной и домработницей Барбарой, расположен в лесу, весьма далеко от города и от каких-то других жилых массивов, поэтому кататься пришлось долго. Путь к нужному магазину был указан мне неточно, негр-таксист с удивлением взирал на пассажира, которого не устраивала голландская и норвежская селедка и упрямо, почти 3 часа, ищущего какую-то особую русскую селедку. Наконец, кто-то указал на якобы русский магазин. Я без надежды зашел туда и спросил, есть ли у них селедка из России. В ответ услышал: «А вы будете брать»? Ответ говорил сам за себя: я нахожусь в нужном месте. И вот с набором всех мыслимых видов селедок (скажу прямо – наша была самая вкусная), черным хлебом, луком и картошкой я появился у Иоффе. Нужно было видеть его детскую радость. Мы отказались от ресторанного обеда. Барбара быстро соорудила соответствующий стол. Я воспользовался приподнятым настроением Олимпиада Соломоновича, усиленного казахстанским коньяком (Олимпиад Соломонович имел сложную теорию о пользе коньяка при диабете, которым он страдал, и излагал преимущества этого способа лечения, бросая при этом поучительные взоры на строгих жену и домработницу, до сознания которых эти очевидные преимущества никак не доходили), и стал расспрашивать его о людях, окружавших его на протяжении долгой жизни. О. С. Иоффе рассказал о многих известных ученых, давая им развернутые характеристики, с оценкой их сильных и слабых сторон, иногда сопровождая тонкими характеристиками личных особенностей. Это были захватывающие рассказы, сродни портретным зарисовкам таких мастеров, как историк академик Е. Тарле или литературовед профессор И. Андронников. Я попросил его написать воспоминания, но вначале согласия не получил, и лишь после многократных последующих настояний согласие было получено. Так появилась работа «Мои учителя». Результат получился очень интересный, но, все же, на мой взгляд, проигрывающий в сравнении с уст-

ными рассказами за счет почти полного исключения критических оценок научной специфики творчества героев этих рассказов и упоминания о вполне невинных или извиняемых их человеческих недостатках.

Когда Олимпиад Соломонович работал профессором в Хартфорде, я попал к нему на лекцию по римскому праву, после которой во время прогулки он поделился мыслями об особенностях профессорской работы в США, трудностях, с которыми он столкнулся, начав преподавать в Америке. Основной сложностью был язык. Английская разговорная практика была мала. Идя на лекцию пешком, приходилось всю дорогу прокручивать в памяти текст предстоящей лекции. Во время лекции в вузах США принято задавать вопросы, и это была другая трудность. Вопросы задавались в самой непринужденной форме: сокращенные, в которых для коренного американца отсутствующие части подразумевались, с использованием необычных идиом, с разной дикцией и акцентом. Понять вопрошающего было нелегко, а часто переспрашивать – неловко.

Еще одна вещь вызывала поначалу, по признанию Иоффе, у него дискомфорт. Это выставление в конце года студентами оценки работы преподавателя. Оценки Иоффе были высокими, но обязательно находились один-два студента, которые оценивали его лекции низко. Возможно, причиной этого был несовершенный английский язык или другие обстоятельства. Помню, как во время захвата «Норд-Оста» мы с женой были в Лондоне и какой-то весьма по виду приличный англичанин средних лет, услышав русскую речь, смотрел на нас с нескрываемой ненавистью, его не сильно успокоило и то, что мы из Казахстана. Он оказался бывшим морским офицером с твердым убеждением, что из России может приходить только зло. Так что угадать, какие твои особенности могут не прийтись кому-то по вкусу, заранее предвидеть нельзя.

Одну из характерных черт американского юридического образования О. С. Иоффе видел в его ярко выраженной прикладной направленности. То, что у нас является предметом теории права и гражданского права, в юридических школах США либо вообще не изучается, либо остается в тени. Поэтому такие вопросы, как деление норм на диспозитивные и императивные, виды правоотношений, категория причинной связи, предмет и метод правового регулирования и т. п. в учебном процессе не затрагиваются. В то же время, когда О. С. Иоффе, после годичного преподавания в Гарвардском университете, прибыл в Хартфорд, декан юрфака, узнав, что О. С. Иоффе вел в Ленинграде курс римского частного права, предложил ему, наряду с другими предметами, читать и этот курс. Этот предмет мог читаться только по выбору студентов. «Но кто запишется на него?» – спросил О. С. Иоффе. «Это уже не Ваша забота», – ответил декан. Так, на протяжении нескольких лет студенты этой юридической школы слушали римское право. Благодаря этому ежегодный рейтинг школы, по мнению руководства, поднялся среди юридических школ США на несколько ступенек.

Интересно было наблюдать за мыслительным процессом этого крупнейшего ученого. На его примере я все больше убеждался, что пушкинские строки относятся не только к поэтическому, но к любому творчеству: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» И в самом деле, обсуждая повседневные события, делясь воспоминаниями, он в чем-то ошибался, где-то был наивен, но лишь речь заходила о научных вещах, фразы становились четкими, позиция ясной, высоты полемического искусства сохранялись практически до самого конца жизни.

Предметом его особенных волнений в последние годы была судьба его произведений. Он постоянно интересовался, как идет подготовка настоящего издания. Его очень радовало, что избранные произведения, в том числе написанные совсем недавно, будут выпущены в его родном Санкт-Петербурге.

Одна из его последних задумок – подготовка книги о реформировании постсоветского общества. Он написал план и хотел подготовить часть I этой работы. Вот этот план:

РЕФОРМА (ПЕРЕСТРОЙКА) И ПРАВО Ч. I.

1. Общая программа.
2. Реформа управления экономикой.
3. Реформа права.
4. Право как проводник реформы.
5. Право как следствие реформы.
6. Взаимосвязь реформы права и экономики.

Ч. II. Специальные проблемы права, связанные с реформой. 1. Реформа и понятие гражданского права.

2. Природа важнейших гражданско-правовых институтов в связи с реформой.

А) Правосубъектность.

Б) Право собственности и другие вещные права.

В) Договор.

Г) Внедоговорные обязательства. Д) Ответственность.

Ярко характеризует этого необыкновенного человека одно из последних высказываний, которое мне довелось услышать. В одном из телефонных разговоров я сказал, что собираюсь связаться по делам с некоторыми известными профессорами из Москвы и Санкт-Петербурга, и спросил, не хочет ли он что-нибудь передать им. Он слабым голосом ответил, что просит передать им привет и благодарность за то, что они позволили ему находиться рядом с ними в науке. Как не преклонить голову перед благородством этих слов!

Работы, идеи, концепции работ О. С. Иоффе как раньше, так и теперь, привлекают самое пристальное внимание всех, кто занимается правовой наукой. Вклад этого известного ученого в науку права, и гражданского права в особенности, неоценим.

Профессор Олимпиад Соломонович Иоффе был и остается одним из выдающихся современных русских правоведов.

Доктор юридических наук, профессор А. Г. Диденко

Воспоминания об О. С. Иоффе

Познакомился я с О. С. Иоффе в 1954 г., когда произошло слияние Юридического института имени М. И. Калинина с университетом. В этот период я заканчивал аспирантуру по кафедре гражданского права. Моим научным руководителем являлся профессор Б. Б. Черепакхин.

На сентябрь 1954 г. была назначена защита моей кандидатской диссертации и в качестве официальных оппонентов кафедра назначила профессор С. Н. Братуся и О. С. Иоффе, к тому моменту уже защитившего докторскую диссертацию.

Первое же знакомство с О. С. Иоффе произвело на меня неизгладимое впечатление, прежде всего потому, что его научные познания и умение их понятно и доходчиво передавать слушателям свидетельствовали о глубоком проникновении в суть проблемы: сложное становилось ясным и понятным. Кроме того, О. С. Иоффе привлекал к себе простотой, легкостью и доступностью общения, никогда не смотрел свысока на обращающихся к нему с вопросами студентов, аспирантов, преподавателей. При этом, знакомясь с текстами представленных рукописей, был чрезвычайно требовательным читателем, помогая в то же время конкретными советами, вплоть до редактирования отдельных частей работы. Так, например, уже подготовив отзыв о моей диссертации, О. С. Иоффе неоднократно говорил мне, что если по каким-то критикующим положениям моей работы я испытываю трудности, то он в любое время может мне помочь в решении этой проблемы.

И это качество О. С. Иоффе проявлял всегда, особенно когда речь шла о подготовке к опубликованию коллективных работ (в частности, учебников). При этом О. С. Иоффе вовсе не навязывал свою позицию, речь всегда шла о нахождении таких аргументов, которые были бы достаточно убедительны для тех, кто будет знакомиться с соответствующими работами. Умение убеждать в правильности отстаиваемой им позиции проявлялось не менее ярко и при обсуждении судебных и арбитражных споров. Этому направлению деятельности кафедры (в тот период, когда О. С. Иоффе уже возглавлял кафедру) придавалось особое значение. Были налажены тесные связи с судебными и арбитражными органами, которые ставили перед кафедрой наиболее спорные и сложные для разрешения вопросы, и они предварительно обсуждались на кафедре, а затем рассматривались на совместных заседаниях. Вспоминаю один из характерных случаев, когда и на кафедре, и на совместном заседании О. С. Иоффе предложил свое решение возникшего спора, убедил в правильности предложенного им решения не только членов кафедры, но и работников арбитража. Однако уже в конце совместного заседания, внимательно выслушав возражения, сказал, что все-таки предложенное им решение является ошибочным, и с той же степенью убедительности предложил иное решение проблемы, с которым в итоге все согласилось. Таким образом, О. С. Иоффе умел признавать ошибочность своей позиции, что как раз и характеризует его как настоящего ученого. Степень же убедительности его доводов основывалась не на властных полномочиях, как заведующего кафедрой (как это часто бывает), а на его научном авторитете, который в подобного рода случаях является определяющим.

Как заведующий кафедрой О. С. Иоффе особое внимание уделял организации учебного процесса и контролю за его выполнением. В частности, подготавливаемые для студентов задания для практических занятий обсуждались на кафедре, включая и решения наиболее сложных задач по всем темам, что особенно полезно было для молодых преподавателей. Важное значение О. С. Иоффе придавал работе студенческого научного кружка по гражданскому праву, поскольку особенно активные участники работы кружка обоснованно рассматривались как потенциальные кандидаты для поступления в аспирантуру. Кроме того, на факультете достаточно широко использовался такой метод вовлечения студентов в научную работу

как научные студенческие конференции, поэтому отбор докладчиков на такие конференции осуществлялся под контролем О. С. Иоффе.

Лекционный курс по гражданскому праву, читаемый О. С. Иоффе, воспринимался студентами с огромным интересом не только вследствие того, что курс излагался очень содержательно, но и потому что самые сложные проблемы гражданского права излагались так, что даже не очень подготовленные слушатели хорошо усваивали читаемый материал. Немаловажную роль здесь играло и великолепное лекторское мастерство: эмоциональная подача материала, широкое привлечение практики, доступность восприятия и т. д. Не случайно довольно часто студенты других факультетов, наслышанные о превосходных лекциях профессора О. С. Иоффе от своих товарищей по юридическому факультету, стремились попасть на эти лекции.

Из числа особых достоинств профессора О. С. Иоффе как ученого и преподавателя следует отметить его колоссальную трудоспособность. Когда кто-нибудь из членов кафедры не представлял к намеченному сроку свою часть работы (при подготовке коллективных изданий), ссылаясь на загруженность учебной работой, либо приводя какие-либо иные уважительные причины, которые помешали представить рукопись в установленное время, О. С. Иоффе всегда интересовался, как систематически велась работа таким «провинившимся» преподавателем над рукописью независимо от имеющейся учебной нагрузки или выполнения других поручений. При этом обращал внимание на то, что вне зависимости от выполнения всяких других обязанностей он считает своим долгом «сидеть» за столом не менее 6–8 часов. Нам такое представлялось почти невероятным. Однако его познания в науке права, многообразие научных исследований и многочисленных публикаций лишь подтверждают это утверждение. О. С. Иоффе неоднократно говорил о том, что только повседневная, многочасовая, кропотливая работа над различными источниками дают положительный результат.

Могу утверждать, что дискуссии, которые велись на кафедре под руководством О. С. Иоффе, постоянно вспоминаются и сейчас, по прошествии многих лет, особенно тогда, когда обращаешься к его работам по проблемам гражданского права и снова чувствуешь себя признательным учеником и почитателем его таланта.

Кандидат юридических наук, доцент А. Г. Потюков

Предисловие

Олимпиад Соломонович Иоффе из тех людей, которых, даже не будучи знаком лично, кажется, знаешь всю жизнь.

Предваряя, собственно, текст этого небольшого предисловия, необходимо сказать несколько слов о том, почему его составление было поручено редколлегией именно мне. Поступив в 1985 г. на юридический факультете Казахского государственного университета (КазГУ) я связал свою судьбу с цивилистикой и кафедрой гражданского права КазГУ, которой заведовал профессор Юрий Григорьевич Басин. Сегодня это – кафедра гражданского права Казахского гуманитарно-юридического университета (КазГЮУ), ею заведует профессор Анатолий Григорьевич Диденко. По признанию самого Олимпиада Соломоновича – Юрий Григорьевич, Анатолий Григорьевич, а также работающий на кафедре профессор Бахыт Базарбаевич Базарбаев, – были его близкими друзьями и коллегами.

Обучаясь на юрфаке и в аспирантуре, мы изучали гражданское право по Иоффе и Басину, существовали даже магнитофонные записи лекций Олимпиада Соломоновича, сделанные в Ленинграде и во время его командировок в Алма-Ату в 1960–1970-е гг. Одним из весомых результатов тесного научного сотрудничества О. С. Иоффе с кафедрой гражданского права КазГУ стал Комментарий к ГК КазССР (1963 г.), вышедший в свет в 1965 г. под редакцией М. А. Ваксберга, Ю. Г. Басина и Б. В. Покровского, объемом около 50 п. л. Автором пяти глав данного комментария, а также соавтором предисловия к нему, являлся Олимпиад Соломонович¹. Кроме названных ученых, в подготовке комментария приняли участие профессора и доценты кафедры гражданского права КазГУ и сотрудники Института философии и права АН КазССР, в их числе Б. Б. Базарбаев, М. Г. Масевич, С. И. Меерзон и др. В соавторстве с О. С. Иоффе также был написан «Комментарий к Кодексу о браке и семье КазССР», вышедший в 1972 г. под редакцией Ю. Г. Басина.

Несмотря на то, что с начала 80-х годов Олимпиад Соломонович жил и работал в США, как только время предоставило возможность общаться, дружеские связи коллег и друзей с ним были восстановлены. А в 90-е годы и вплоть до кончины Олимпиада Соломоновича в 2005 г. встречи стали регулярными. Гостями Иоффе в США были Ю. Г. Басин, А. Г. Диденко, а также другие сотрудники нашей кафедры, живущие ныне в США, России, Европе.

С 1999 г. идосего времени (2006 г.) работы О. С. Иоффе публикуются в Алма-Ате в сборнике «Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика» (выпуски № 8, 10–15, 17–22, каждый год выходит по два-три сборника), а также в двух учебных пособиях «Гражданское право», подготовленных в 1999 и 2003 гг. под редакцией А. Г. Диденко.

---

¹ Гражданский кодекс КазССР 1963 г. несколько отличался от своего «российского собрата» и от ГК других союзных республик, если можно так выразиться, большей «цивилистической» направленностью. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тексту ГК КазССР и проанализировать особенности его основных институтов. Интенция его соавторов, в том числе Олимпиада Соломоновича Иоффе, была направлена на придание гражданскому законодательству Казахстана частного правового содержания, что ярко отразилось в смелых, и вместе с тем ироничных словах краткого предисловия к Комментарию к ГК КазССР – «в коммунистическом строительстве полностью используются товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, которое они имеют в плановом социалистическом хозяйстве, и применяются такие важные инструменты развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы. Строительство коммунизма опирается на принцип материальной заинтересованности граждан, предприятий, колхозов и других хозяйственных организаций... С этим связано дальнейшее укрепление и развитие оперативной и имущественной самостоятельности и инициативы предприятий и иных хозяйственных организаций, расширение их прав в рамках единого народно-хозяйственного плана» (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР / Под ред. М. А. Ваксберга, Ю. Г. Басина и Б. В. Покровского. Алма-Ата: «Казахстан», 1965. С. 7–8). Интересный и глубокий комментарий ГК КазССР (1963 г.) в течение 25 лет служил настольной книгой для десятков тысяч практических работников, судей, адвокатов, юрисконсультов, следователей, прокурорских работников, хозяйственных руководителей, многие его положения еще долго останутся актуальными.

Юрий Григорьевич и Анатолий Григорьевич совместно с Олимпиадом Соломоновичем работали над проектом Гражданского кодекса стран СНГ (Модель) и проектом Гражданского кодекса Республики Казахстан. Переписка с Олимпиадом Соломоновичем, касающаяся цивилистических вопросов, его статьи часто были предметом обсуждения на заседаниях кафедры. Одним словом, на протяжении последних 20 лет Олимпиад Соломонович принимал незримое участие не только в моей судьбе, но и в жизни всех преподавателей и сотрудников нашей кафедры гражданского права, а также многих сотрудников Института частного права КазГЮУ. Возможно поэтому, неоднократно посещая Петербург в 90-е годы, я не переставал удивляться тому факту, что Иоффе не публикуют в городе, который он защищал в годы войны и которому отдал лучшие годы своей жизни, где состоялся как Цивилист и Учитель. Шанс исправить ситуацию представился в 2001 г., когда у меня сложились неплохие деловые отношения с издательством «Юридический центр Пресс» и его руководителем доцентом юридического факультета СПбГУ Рауфом Маггеррамовичем Аслановым. Предложение об издании избранных работ Олимпиада Соломоновича в нескольких томах было поддержано редколлегией, в состав которой входили Александр Петрович Сергеев, Владимир Федорович Попондопуло и многие другие. Мне было поручено собрать работы Олимпиада Соломоновича, изданные в Казахстане, уладить некоторые вопросы, связанные с переизданием его статей в России, а также помочь установить личный контакт с автором для заключения соответствующего договора, что и было сделано.

Читатель, открывая 4-й том работ Олимпиада Соломоновича Иоффе, получает уникальную возможность ознакомиться с «поздним» Иоффе, трудами, написанными Олимпиадом Соломоновичем (далее – О. С.) в США в период с конца 1990-х по 2005 г. В России данные работы публикуются впервые².

---

² Об истории их первой публикации в Казахстане, статью А. Г. Диденко «Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе».

Краткая характеристика последних работ Олимпиада Соломоновича

В творческой жизни О. С. 2001–2004 гг. стали завершающими, подводящими некий итог, и вместе с тем эти годы были необычайно плодотворными. Результатом стали 13 работ на русском языке общим объемом более 30 печатных листов. 11 работ публикуются в данном томе. Двенадцатая работа О. С. Иоффе «Размышления о праве», к сожалению, не вошла в 4-й том, она вышла отдельным изданием в Астане в 2002 г. Тринадцатая – лекция из курса лекций по гражданскому праву под редакцией профессора А. Г. Диденко, еще не увидела свет, впрочем, как и сам курс лекций. Большинство созданных О. С. работ посвящено фундаментальным вопросам частного права, проблемам теории права, несколько из них представляют собой воспоминания.

В статье **«Право и поведение»** (2004 г.) Иоффе обращается к важной и весьма актуальной теме соотношения и взаимодействия права и трех, как пишет сам автор, «неправовых компонентов»: поведения, интереса и воли. Работа подводит определенную черту под дискуссией, имевшей место еще в советской науке права. Работа представляет собой методологически выверенный образец научной статьи, в которой автор подробно описывает предмет, метод исследования, дает характеристику субъекта исследования, последовательно вводит и разбирает категории поведения, интереса и воли. Помимо того, Иоффе вносит ряд ценных предложений, не связанных непосредственно с темой статьи, например, предложение об издании в России западных книг на языке оригинала.

Статья, как пишет О. С., «основывается на методе материалистической диалектики, взятом в чистом... виде». Для Иоффе методология, лежащая в основе учения Маркса и Энгельса, в том числе диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, позволяет наиболее объективно отражать реальность нашего бытия и освещать правовые и связанные с ними явления. Последовательность, с которой Иоффе отстаивает основные методологические и теоретические постулаты марксизма, вызывает уважение. Приведем лишь несколько ярких примеров, почерпнутых О. С. из курса теории права по Марксу. Так, в частности, О. С. констатирует, что марксизм распространил материализм на общественное развитие, подразделив общественные явления на всеопределяющий экономический базис и надстройку – систему политических и юридических взглядов и учреждений³. «Бесспорно, – пишет О. С., – подобно новому обществу, приходящему на смену старому, новое право будет более высоко развитым, чем его предшественники»⁴.

Не вдаваясь в дискуссию и подробный анализ, заметим, однако, что вся история XX в. свидетельствует об ином. Политические и правовые институты («надстройка») определяли и определяют пути и скорость развития экономик, как в развитых, так и в развивающихся странах. СССР являет собой наиболее яркий пример торжества ленинского тезиса о «примате политики над экономикой». Что же касается *нового, более высокоразвитого права*, то и это далеко не бесспорно. Сравним право Рима в период Республики или даже во времена императора Юстиниана и право европейских государств раннего Средневековья. Если первое было высокоразвитым, то второе в V–IX вв., находилось лишь в самом начале своего пути к совершенным образцам кодифицированного права европейских государств XIX–XXI вв.

Западный мир давно уже исповедует инженерный и технологический подходы к решению экономических и социальных вопросов. Базис современных экономики и общества – это

---

³ Иоффе О. С. Правоиповедение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика/ Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

инфраструктуры, которые задают правила и порядок движения товаров, оказания услуг, передачи технологий, а также обуславливают избирательный и законодательный процессы. Торговля, финансы, связь, транспорт, медицина, система образования, сервисные службы и т. д. – это системы жизнеобеспечения, построенные человеком и поддерживаемые им искусственно. В этом смысле, с одной стороны, нельзя разделить мнение О. С. о том, что «капитализм не строится, а возникает», капитализм именно строится и право играет в этом строительстве самую активную роль, оно может способствовать или наоборот тормозить его (капитализма) развитие⁵, с другой стороны – построение капитализма, вне всяких сомнений, это «длительный исторический процесс»⁶.

Олимпиад Соломонович, определяет *поведение людей и их коллективных образований как предмет правового регулирования. Цель такого регулирования – это обеспечение нужного, с точки зрения той или иной общественной системы, поведения.* Причем «центральной практической проблемой в связи с теорией правового поведения является задача построения в постсоветском обществе правового государства». Иоффе определяет два основных качества правового государства: *правомерность всех законодательных норм и их общеобязательность для всех субъектов, в том числе и для самого государства. Каждое из этих качеств нелегко объяснить, еще труднее обеспечить*, пишет О. С.⁷ Далее автор обращается к понятию «правовой интеллигентности» и наполняет это понятие предметным содержанием.

Центральной в статье является часть, озаглавленная «Право и воля». Наряду с классическим взглядом на этот тандем, О. С. анализирует процесс расширения значения понятия «воля» в гражданском праве, который связан с вопросом ответственности без вины, в частности за убытки, причиненные предпринимательской деятельностью. «Теперь, – отмечает Иоффе, – когда каждый предприниматель несет вредоносные последствия всей совокупности предпринимательских действий независимо от вины, большие оснований, возможно, имеет теория риска. Ясно, однако, что к субъективной воле такую ответственность привязать уже нельзя. Трудно усмотреть также другие основания для расширения действия в праве субъективной воли. Она и без того действует достаточно широко, хотя и не настолько, насколько субъективная воля этого заслуживает, – резюмирует автор»⁸. Чтобы точнее оценить смысл процитированного отрывка, необходимо обратиться к работам Иоффе о роли и значении категории «вина» в гражданском праве⁹ и определить соотношение этой категории с понятием «воля». Однако заметим, что субъективная воля предпринимателя заключается в его решении вступить в правоотношение и заключить тот или иной договор, предварительно просчитав возможные риски и зная о своей ответственности без вины.

Руководствуясь классической марксистской методологией, Иоффе констатирует: «Объективное право создается объективной волей», причем «право непосредственно отражает объективную волю законодателей», которая, в свою очередь, *обусловлена экономикой – этим базисом общества.* «Так как право – система правил поведения, а правомочие есть право на определенное поведение другого лица, и там и здесь проявляется человеческая воля. При этом объективному праву соответствует объективная воля, а субъективному праву – воля субъективная»¹⁰.

⁵ Даже если принимать формационную теорию общественного развития Маркса в качестве рабочей модели.

⁶ Иоффе О. С. Право и поведение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 9.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 29–30.

⁹ В настоящем издании см. например, статью «Вина и ответственность по советскому праву».

¹⁰ Иоффе О. С. Право и поведение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 23.

«Право не возникает без объективной воли. Но для того, чтобы она появилась, необходимо слияние в объективной воле множества субъективных волей (избирателей или законодателей)». Представляется, что в этой части О. С. противоречит сам себе. С одной стороны, Иоффе пишет, что «какой бы воля ни была, она представляет собой психологический акт со своими мотивами и целями», а с другой – тут же оговаривается, что «психологический акт в объективной воле строится иначе, чем в воле объективной»¹¹.

Если воля – это психологический акт, то он с необходимостью предполагает наличие субъекта, следовательно, всякая воля исходит от субъекта: человека, юридического лица, государства (его органов), в этом смысле она субъективна. Воля законодателя – это воля законодательного органа, одного из субъектов и носителей государственной власти и в данном контексте эта воля субъективна и ничем, по сути, не отличается от воли других субъектов, действующих в пределах своей правоспособности или правомочий.

Если под объективной волей понимать волю, которая предопределена или обусловлена некими объективными процессами, обстоятельствами: экономическими условиями, здравым смыслом, определенными интересами и т. п., то в таком случае любая воля правосубъектного лица объективна в своей предопределенности. Собственное усмотрение лица сводится здесь к осознанию этой предопределенности. Таким образом, воля субъективная в высшем своем воплощении совпадает, сливается с волей объективной, при этом различие воли субъективной и объективной теряет смысл.

Что же касается права, то выводить его понятие из воли, пусть даже самой «объективной» и определять право как систему правил поведения все же не следует. Феномен права требует более сложного, т. е. комплексного подхода.

В целом следует отметить, что деление права на объективное и субъективное, и далее – различие объективных и субъективных составляющих в праве, в том числе объективной и субъективной воли, имеет своим истоком весьма редуцированную, упрощенную схему, почерпнутую Марксом и заимствованную затем «дореволюционными» и советскими юристами в гегелевской философии права. Однако Гегель выводил понятие права из объективного Духа, некоего высшего Разума, который, проходя три стадии своего становления, прежде всего, «реализует себя в правовых отношениях».¹² В этом смысле сводить право до законов любого конкретного государства и объявлять это объективным правом, да еще и придавать «объективному» праву некое подобие сакральных текстов, священной воли государства, как это делают некоторые современные теоретики права, означает лишь смешение понятий права и закона.

С нашей точки зрения, право – это один из способов организации жизни, его цель и смысл – обеспечение реализации возможностей, заложенных в человеке и человечестве, а его базис – институциональность. Государство и его органы должны быть вовлечены в сферу права как институты, его обеспечивающие. С определенностью можно заметить, что на постсоветском пространстве право, как способ организации жизни, не является пока основным и определяющим общественное развитие.

«К обновлению методологии правоведения» (2004 г.) – концептуальная статья, требующая от читателя учитывать несколько важных для понимания моментов.

Во-первых, речь идет о материализме в его марксистской интерпретации – методологии правоведения, которая существовала или доминировала в праве в советский период нашей общей истории. Замысел работы, по всей видимости, вынашивался автором еще в 60–80-е годы XX в. и является своеобразным откликом на искажения сути материалистической философии, произошедшие в гуманитарных науках в сталинский период, может быть, от этого имя Сталина упоминается в статье чаще других.

---

¹¹ Там же.

¹² Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 436.

В тандеме государство – право последнее, по Иоффе, занимает второстепенную, подчиненную, ведомую роль. Помимо того, О. С. довольно большое место отводит различным историко-политическим отступлениям и комментариям, посвященным политическим деятелям времен СССР и современной России, что вносит в статью идеологический и даже политологический оттенки.

Во-вторых, для О. С. обновлением методологии является сама возможность сказать то, чего нельзя было публиковать раньше, в годы учебы и работы О. С. Иоффе в СССР, это свобода, которой он был лишен и в 90-е годы XX в., так как его практически не издавали в России вплоть до начала века нынешнего. Таким образом, призыв «к обновлению методологии правоведения» был провозглашен О. С. весьма давно и его конкретное наполнение, быть может, уже не отражает реалий дня сегодняшнего, хотя данная статья в окончательном виде была оформлена в 2004 г.

В-третьих, это – реальный шанс обосновать или хотя бы описать в самых общих чертах собственную, им построенную и выстраданную *«религию» – материализм – как методологию права*. Здание методологии правоведения, по Иоффе, целиком базируется на марксистской методологии и материалистической философии.

Довольно заметное влияние на правовые воззрения Олимпиада Соломоновича оказал нормативизм, и чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к разделу статьи под заголовком «отдельные иллюстрации». В то же время проблемы, которые могут, по мнению О. С., составить план книги по методологии права, также перечисляются автором в «отдельных иллюстрациях» – именно эта часть статьи, с нашей точки зрения, представляет наибольший профессиональный интерес.

Работа **«Право частное и право публичное»** (2003 г.), в которой Олимпиад Соломонович дает краткий исторический обзор концепций, на которых базируется ряд определенных частного права (школа естественного права, теория правоотношений, нормативная теория и др.). К загадкам, в определенной степени, следует отнести отсутствие сколько-нибудь значительного анализа О. С. Иоффе работ американских, английских и иных западных коллег. Хотя О. С. знает и цитирует некоторые современные работы российских авторов.

«Я отстаиваю, – пишет О. С., – определение, которое рассматривает право как систему правил поведения (норм), исходящих от государства, выражающих волю государства и господствующие или всеобщие интересы, охраняемых реальными мерами государственной защиты или возможностью их применения. Из этого определения, – по мнению О. С., – следует, что право воплощает два компонента: субъективный и объективный»¹³. Без государственной деятельности и государства, право и законодательство, по О. С. Иоффе, не может не только существовать, но даже и появиться. «В этом смысле и то и другое (здесь: право и законодательство. – И. Г.) субъективны... При законодательном закреплении права все зависит от объективной природы правовых отраслей, и, стало быть, нельзя включить уголовно-правовую норму в гражданское право...»¹⁴ Таким образом, Иоффе обосновывает свою *нормативно-поведенческую теорию права*.

Заметим, что логические пары объект – субъект, объективное – субъективное и т. п. дефицитны по отношению к законодательству, а уж тем более по отношению к праву. Неясно, как может природа (сущность) правовых отраслей быть объективной, а само право носить субъективный характер и определяться абстрактной «государственной деятельностью».

По Иоффе, право – «система правил поведения (норм), которые исходят от государства», а государство своего рода кукловод в театре марионеток, где театр – это жизнь, в эко-

---

¹³ Иоффе О.С. Право частное и право публичное// Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 20. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 22.

номическом смысле – хозяйственный оборот, куклы – это субъекты, физические и юридические лица, а право – это система ниточек, за которые дергает государство. Возникает картина некой предопределенности, заданности вектора жизни, бихевиористическая (поведенческая) картина мира. Антология жизни построена, определены все основные ее составляющие, все, казалось бы, просто и ясно. Однако такой взгляд О. С. Иоффе на право не только не приближает нас к пониманию сути феномена права, но и наносит реальный вред процессу формирования в России гражданского общества и развитию цивилизованных хозяйственных отношений, основанных на частном праве. Вред этот выражается, с одной стороны, в закреплении в сознании граждан как должного и в оправдании существующей в России чиновничьей, бюрократической системы, «государственная деятельность» которой, согласно О. С., «творит» право. С другой стороны, негативное влияние подобного рода трактовок права состоит в поощрении иждивенческих настроений и ожиданий «широких масс» российского населения, для которого типичной является жизненная установка следующего рода: если «народные избранники», государственные мужи, чиновники решают и предопределяют все, то собственное усмотрение и воля сводится к минимуму; есть лишь должное поведение, в том числе и в сфере гражданских правоотношений. В гражданах вырабатывается своего рода «условный рефлекс»: потребовать и получить полагающуюся «пайку» в виде системы льгот, дотаций и прочего.

Помимо того, *нормативно-поведенческая теория права* О. С. не учитывает ряд новых реалий, таких как надгосударственные институты: ООН и ее подразделения, международные организации, союзы государств, различные иные надгосударственные объединения; международные суды, в которые может обратиться любой гражданин или юридическое лицо и предъявить иск к государству, в лице, например, правительства. Уже довольно давно существуют судебные и арбитражные органы, в которых государство и гражданин или национальное юридическое лицо обладают формальным равенством. Следовательно, действует международное право, в том числе частное. Сомнительно, что здесь сколько-нибудь серьезно возможно говорить о праве как о системе правил поведения (норм), исходящих от государства.

«Переходя от общих рассуждений к частному праву начнем с общепризнанного тезиса, – отмечает далее О. С., – частное право покоится на товарном производстве и товарном обращении. Там, где их нет, отсутствует и частное право. Но оно появляется лишь в определенной части или целиком там, где товарное обращение только возможно или уже сложилось как полнокровная система...»

Далее Иоффе подкрепляет свои выводы ссылкой на Маркса, «чтобы вещи относились друг к другу как товары, их обладатели должны относиться друг к другу как лица».¹⁵ Под этой фразой Маркса можно подписаться и сегодня. Однако, приводя эту тезу, О. С. имеет в виду лишь ее первую часть, о товарах, и фактически игнорирует вторую, о лицах, а между тем это – краеугольный камень данного принципа. Товарное производство появляется не само по себе, рефлексивно или «объективно», а благодаря частному праву. И в этом смысле частное право вовсе не «сопутствует всем... эпохам в ограниченном или полнообъемном масштабе»¹⁶ как нечто само собой разумеющееся. Законодатель, беря частное право за основу, как способ организации жизни, создает условия для существования самостоятельных, экономически независимых субъектов гражданских отношений, а уже они, в свою очередь, создают товарное производство. Сначала лица, затем товары, а не наоборот. Нет лиц, нет товаров.

В отношении Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХК Украины), нормы которого были подробно проанализированы О. С. в статьях «О хозяйственном праве (теория и практика)» и «Право частное и право публичное», вспоминается украинская пословица – «Нехай

¹⁵ Иоффе О. С. Право частное и право публичное// Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии Практика/ Под ред. А. Г. Диденко Алма-Ата, 2004. Вып. 20. С. 23–24.

¹⁶ Там же.

буде гірше, ніж інше», т. е. пусть будет хуже, но только не так, как, например, у соседей. Эту народную мудрость часто любили повторять О. С. Иоффе и Ю. Г. Басин, когда речь заходила о хозяйственном и гражданском законодательстве «рідной» Украины. Сколько бы ни писали о ХК и ГК Украины, ясно одно: Украина – единственное крупное государство СНГ с двумя кодексами, ни один из которых не базируется на ГК стран СНГ (Модель). Что же касается тех пробелов и нелепостей, которыми изобилует ХК Украины, то отчасти, это – следствие излишнего стремления украинских законодателей быть «оригинальными».

Завершая краткий обзор статьи, обращаем внимание читателей на ее четвертую часть под заголовком «Гражданское (частное) право и личные неимущественные отношения», в этих трех страничках, как в зеркале, отражается весь Иоффе.

Иоффе – штрихи к портрету

Историю любой науки можно, а, может быть, периодически и нужно иллюстрировать забавными случаями из жизни ее выдающихся представителей. То, что одним из столпов российского гражданского права был Олимпиад Соломонович, есть факт бесспорный, а поучительных и одновременно смешных историй в его жизни было немало, недаром одна из статей данного тома озаглавлена «Осмеином и необычном (записки юриста)». Вот лишь несколько историй – штрихов к портрету мэтра.

Как О. С. учился водить машину

Было это в первое послевоенное десятилетие, когда только-только появилась еще довольно призрачная возможность купить личный автомобиль, что О. С. и сделал несколько позднее. Однако, чтобы субъективная возможность быть счастливым обладателем авто и управлять им превратилась в объективную реальность, мало иметь средства и место в очереди на новый автомобиль («Москвич» или, если очень повезет, то «Победу», а чуть позднее и «Волгу» ГАЗ-21), необходимо было обладать водительскими правами. Взвесив все за и против, О. С. отправился на курсы вождения. Пройдя весь теоретический курс: правила дорожного движения, правила вождения и материальную часть – устройство автомобиля, О. С. был допущен к практическим занятиям. Первые попытки курсанта Иоффе сдвинуть с места учебный «Москвич» окончились неудачей, но инструктор спокойно наставлял: «Выжимаете педаль сцепления, заводите машину, включаете первую передачу, плавно убираете ногу и отпускаете педаль сцепления, слегка прибавляя при этом газ, трогаетесь с места. Как будто О. С. делал все по инструкции, но каждый раз повторялось одно и то же: машина заводилась, несколько раз дергалась и глохла. Исчерпав весь свой педагогический арсенал, а вместе с ним и словарный запас, инструктор решил все же не отступать, он наклонился, чтобы повнимательней понаблюдать за точностью действий курсанта Иоффе, и тут ему открылась истинная причина «резких скачков» машины. Чтобы понять, что действительно происходило, представьте себе следующую картину: О. С. плавно отпускал педаль сцепления не на себя – вверх, а медленно отводил ногу вбок (влево), убирая ее, в буквальном смысле, с педали. Высвободившись, педаль сцепления резко подлетала вверх, машина дергалась и глохла. Инструктору пришлось продемонстрировать курсанту, в чем его ошибка, и когда О. С. увидел, что необходимо было сделать, он долго хохотал и подшучивал над своими действиями, рассказывая друзьям эту историю.

К вопросу «О культуре питья»

Понимая, что приведенная ниже история, возможно, получит неоднозначную оценку, хочу оговориться, что целью помещения ее в предисловии к изданию является исключительно желание дать шанс читателю представить О. С. не только нашим современником, великим российским юристом, но и живым человеком, ценившим застолье и хорошую беседу.

После войны юридический факультет ЛГУ пополнился преподавателями-фронтовиками. О. С. был одним из них. Влившись в ряды основных и традиционно состязавшихся между собой за значимость своих дисциплин и студенческие сердца кафедр уголовного и гражданского права, фронтовики подняли соревнование на новую высоту.

Соперничество (разница) между кафедрами уголовного и гражданского права выражалось в том числе и в отношении к российскому народному напитку, вернее в количестве и способах его потребления, в культуре питья. «Уголовники» потребляли исключительно в бутылках емкостью 0,5 литра, цивилисты – эта «интеллигенция» факультета – позволяла себе употреблять по 0,25 литра, в так называемых «четвертушках» и даже коньяк, что вызывало шутки коллег. Но, как отмечал, один из близких друзей О. С., – беря водочку и коньяк в расфасовке по 0,25 литра, народ мог наиболее точно проверить на практике один из основных законов диалектики, а именно постепенный переход количества в качество.

В один из первых июльских дней, после окончания учебного года, О. С., автор теории о пользе алкоголя в лечении диабета, пригласил к себе на дачу двух своих старых военных товарищей, коллег «по цеху». Взяли закуску. Супруга О. С. – Евгения Лазаревна, накрыв на стол, уехала в город, но к вечеру должна была вернуться. Зная крайне негативное отношение жены к обильным возлияниям, О. С. и К° решили соблюдать конспирацию и тщательно прятали каждую початую бутылочку, помещая ее в заблаговременно приготовленный ящик, стоящий за окном комнаты, где проходило застолье. Таким образом, любой зашедший на огонек мог наблюдать на столе только одну небольшую бутылочку – 0,25 литра, потребляемую в данный момент. Около 9 часов вечера, когда «конспиративный» ящик за окном был почти полон чистой посуды, вернулась Евгения Лазаревна. Поздоровавшись, она мгновенно оценила обстановку, поскольку ее цепкий взгляд наткнулся на нечто, что находилось справа от блюда хозяина дачи. Все сидящие также перевели взгляды в эту часть стола и, несмотря на изрядное количество выпитого, буквально зарделись то ли от стыда, то ли от неожиданности. На столе лежала груда из двенадцати крышек от тщательно спрятанных бутылочек...

«Гражданский кодекс в легендах студенческого мира»

Ленинград, осень 1957 г. Профессора Иоффе и Магази́нер беседуют и прогуливаются вдоль набережной Невы, в районе Марсова поля. Плавное течение беседы ученика (Иоффе) и учителя (Магази́нера) прерывает смех, затем раздаются знакомые голоса. Профессора спускаются к реке и встречают своих студентов – девушку и молодого человека, девушка что-то громко декламирует. Поздоровавшись с будущими коллегами, О. С. и Я. М., с удивлением обнаруживают в руках у студентки Гражданский кодекс. Что же может быть смешного в официальном тексте ГК РСФСР (1922 г.), удивляются профессора, – мы сотни раз читали и комментировали каждую статью ГК. На просьбу прояснить ситуацию, молодые люди предложили просто послушать, как звучат нормы некоторых статей из раздела «Обязательства, возникающие из договоров»: *Если одна сторона предоставила другой удовлетворение*, – давась от смеха, громко прочла девушка, – *то, соответственно, другая сторона обязана предоставить первой встречное удовлетворение*, – со значением в голосе закончил фразу юноша. Профессора несколько озадачены, но студенты не успокаиваются и просят на примере пояснить смысл статьи 144 ГК: *если в двухстороннем договоре исполнение стало невозможным для одной из сторон вследствие обстоятельства, за которое ни одна, ни другая сторона не отвечает, то сто-*

рона не вправе требовать от другой стороны удовлетворения по договору. Каждая из сторон вправе требовать от контрагента возврата всего, что она исполнила, не получив соответствующего встречного удовлетворения.

Вспоминая впоследствии эту историю, Олимпиад Соломонович в шутку говаривал, что она помогла ему по-другому взглянуть на проблемы обязательственного права и значительно глубже понять смысл этого важнейшего раздела гражданского права.

В заключении хотелось бы выразить глубокую благодарность издательству «Юридический центр-Пресс», всем, кто участвовал в этом проекте, поделился с читателями воспоминаниями об Олимпиаде Соломоновиче, предоставил материалы, осуществлял финансовое, редакционное и техническое сопровождение. Слова особой признательности адресую светлой памяти Пановой Греты Ясоновны – удивительной женщине, редактору данного тома, человеку, который отдал более шестидесяти лет своей жизни служению Слову.

Кандидат юридических наук, доцент И. П. Грешиников

Спорные вопросы учения о правоотношении¹⁸

1

Среди многообразных проблем советской юридической науки центральное место, несомненно, занимает проблема нормы права и правоотношения. Однако несмотря на то, что проблеме правоотношения в последние годы уделялось значительное внимание, в ее разработке многое продолжает оставаться спорным, – начиная от понятия и структуры и кончая содержанием и элементами правоотношения. Между тем, правильное решение перечисленных вопросов имеет важное теоретическое и практическое значение, особенно возрастающее в современных условиях.

Могут сказать, что проблема правоотношения – слишком общая и отвлеченная тема, что из того или иного ее разрешения не вытекают какие-либо *непосредственные* практические выводы и что она должна поэтому временно отойти на задний план, уступив первое место исследованию конкретных вопросов юридической науки.

Настоятельная необходимость в исследовании и разрешении конкретных правовых вопросов бесспорна и очевидна. Но было бы неправильно сводить лишь к такой форме все многообразные связи науки и практики. Между теорией и практикой существуют не только прямые, непосредственные связи, но и, если можно так выразиться, цепные связи, охватывающие множество промежуточных звеньев и лишь в конечном счете приводящие к практическому эффекту.

Можно ли пренебрегать такими связями? История науки свидетельствует о том, что нельзя. Сколько практических выводов сделано в наши дни из теории относительности! Однако сама эта теория непосредственно ни одного из этих выводов не давала. Что же было бы с наукой и практикой, если бы они отвергли теорию относительности на этом основании?

Мы далеки, естественно, от каких бы то ни было аналогий между проблемами различных наук с точки зрения их характера, направленности и практической значимости. Но одно обстоятельство нам кажется совершенно бесспорным. Ни суд, ни арбитраж, ни какой-либо иной государственный орган не извлекут для себя непосредственных практических выводов из того или иного теоретического решения вопроса о понятии правоотношения, о его элементах, о его содержании и т. п. И в то же время без правильного теоретического разрешения этих коренных проблем юридическая наука не могла бы сформулировать ни одного практического вывода, не говоря уже о тех многочисленных положениях, которые получили признание в советской правовой теории и нашли свое подтверждение в практической работе суда, прокуратуры, арбитража и других государственных органов.

Вместе с тем, при всем кажущемся сугубо теоретическом характере проблемы правоотношения ее исследование находится в тесной связи с решением задачи укрепления законности, усиления охраны прав советских граждан, борьбы с беззаконием и произволом, борьбы с нарушениями социалистического правопорядка. Разве не ясно, что для того, чтобы со знанием дела активно вести борьбу за выполнение одного из важнейших решений XX съезда партии – решения, направленного на укрепление социалистической законности и социалистического правопорядка, нужно знать, что такое законность и правопорядок, что такое права и обязанности, каковы методы их охраны и т. д.? Уже перечень этих вопросов не оставляет сомнения

---

¹⁸ Печ. по: Очерки по гражданскому праву: Сб. статей / Ленинградский государственный университет. Отв. ред. О. С. Иоффе. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957.

в том, что их изучение либо прямо включается в исследование проблемы правоотношения, либо находится в прямой зависимости от того, как будет решена данная проблема.

Ограничиваясь в настоящей статье лишь спорными вопросами учения о правоотношении, мы остановимся на его понятии и характеристике его отдельных элементов.

2

До самого недавнего времени ни у кого не вызывало сомнений определение правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права. Из этого определения с неизбежностью вытекает вывод о том, что всякое общественное отношение, в том числе и отношение общественного производства, будучи подвергнутым правовому регулированию, принимает вид правового отношения. Но правовое отношение есть отношение идеологическое, между тем как общественно-производственные отношения являются экономическими, материальными отношениями. Возникает поэтому вопрос, можно ли утверждать, что материальные (экономические) отношения в результате их юридического урегулирования становятся отношениями идеологическими (правовыми)? Не будет ли это означать подмены базисных явлений явлениями надстроечного характера?

Обратив внимание на это обстоятельство, В. П. Мозолин выступил против утверждений о том, что «...социалистическое государство, регулируя... те или иные общественные отношения, придает им новое качество: превращает их в правовые отношения...»¹⁹, что «...некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения...»²⁰ По его мнению, «...такие утверждения ведут к отрицанию объективного характера экономических отношений. В данном случае происходит не «превращение» одних отношений в другие, а возникновение *новых*, ранее не существовавших идеологических отношений – *правовых*, которые не поглощают собой экономические отношения, а только их закрепляют, направляя в нужном для господствующего класса направлении»²¹.

Признание правильными этих подкупающих своей внешней убедительностью соображений должно было бы повлечь за собой ряд далеко идущих выводов. Во-первых, пришлось бы отказаться от определения правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права, и его надлежало бы трактовать как идеологическое отношение, создаваемое правом, в целях закрепления существующих общественных отношений. Во-вторых, было бы необходимо внести соответствующие коррективы в общее определение права, которое с этой точки зрения представляло бы собою совокупность норм, регулирующих не всякие, а лишь им самим создаваемые идеологические отношения, в целях закрепления других общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу.

К тому же выводу приводит и другое все чаще встречающееся в литературе последних лет мнение, согласно которому право не регулирует общественно-производственных отношений, а лишь *воздействует* на них, регулируя поведение их участников. В основу этого взгляда положены, прежде всего, суждения этимологического и семантического порядка. Регулировать – значит определять. Но право не определяет общественно-производственных отношений, а само определяется ими. Как же при этих условиях можно говорить о правовом регулировании отношений общественного производства? Кроме того, общественно-производственные отношения существуют объективно, независимо от воли и сознания людей, в то время как право имеет дело с волевой, сознательной деятельностью человека. Поэтому якобы общественно-производственные отношения могут быть лишь объектом его воздействия, а объектом правового регулирования является поведение участников этих отношений.

Но дело в том, что «регулировать» вовсе не означает «создавать», «порождать» и в этом смысле определять соответствующие явления. Существуют, например, регуляторы давления,

¹⁹ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР, 1948, стр. 623–624.

²⁰ О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1949, стр. 14.

²¹ В. П. Мозолин. О гражданско-процессуальном правоотношении. «Советское государство и право». 1955, № 6, стр. 52.

температуры, уровня, скорости, направления, частоты, мощности и т. д. Совершенно очевидно, что они только регулируют, т. е. устанавливают известные пределы давления, температуры и т. п., но не создают, не порождают их. Смысловое значение слова «регулятор» ни в какой мере не изменяется в случае применения его к праву. Поэтому когда говорят о правовом регулировании экономических отношений, то этим отнюдь не утверждается первенство права перед экономикой. Вместе с тем, никто не отрицает способности права как возведенной в закон воли господствующего класса регулировать движение общественно-производственных отношений в определенном направлении, которое предопределяется действующими объективными экономическими законами общественного развития.

Когда же отрицание регулирующего значения права для общественно-производственных отношений обосновывается ссылкой на объективную природу последних, то при этом предается забвению тот чрезвычайно важный факт, что в названных отношениях участвуют люди, «...одаренные сознанием, действующие обдуманно или по страсти, ставящие себе определенные цели»²². Деятельность людей как участников общественно-производственных отношений не является для них чем-то потусторонним. Поэтому признать, что право регулирует поведение людей в сфере таких отношений, это и значит по существу признать, что в доступных для него пределах, а именно – в пределах общественной деятельности человека, оно регулирует самые производственные отношения.

Действительно, как происходит правовое регулирование поведения участников общественно-производственных отношений? Включается ли то поведение, которое регулируется нормами права, лишь в идеологическое (правовое) отношение или оно является составной частью также и материального (экономического) отношения? Перед нами, например, меновое отношение, юридически оформленное посредством договора купли-продажи. Что же, в процессе исполнения договора продавец и покупатель выполняют два ряда действий: материальные – относящиеся к области экономики и юридические – относящиеся к области права? Нет, конечно! Одни и те же действия, ими совершаемые, обладают и экономической и юридической природой, – эти действия являются экономическими, поскольку они приводят к реализации менового отношения, но так как те же действия закреплены в договоре, а их совершение составляет обязанность договорных контрагентов, то они вместе с тем приобретают и юридический характер. Итак, перед нами одно и то же поведение, являющееся экономическим по содержанию и юридическим по форме.

То же самое следует сказать и по поводу в целом общественно-производственного отношения, урегулированного в нормах права. Оно имеет свое экономическое содержание и свою юридическую форму. Это, собственно, и имеется в виду, когда говорят, что общественно-производственное отношение, будучи урегулированным нормами права, принимает вид правового отношения.

Можно, конечно, согласиться с тем, что такие выражения, как «превращаются или преобразуются в правоотношения», неудачны, поскольку они создают впечатление об исчезновении отношений материальных и об их замене отношениями идеологическими²³. Но неудачные выражения не меняют существа дела. Главное состоит в том, что в результате юридического урегулирования материальные (экономические) отношения полностью сохраняются, но облекаются в новую форму – в форму идеологического (правового) отношения. Следовательно, правоотношения – это отношения, не вновь создаваемые правом, а возникающие в результате правового урегулирования существующих общественных отношений.

²² К. Маркс Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 667.

²³ Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что авторы, критикуемые В. П. Мозолиным, пользуются, наряду с отмеченными, также и правильными словесными формулами для определения понятия правоотношения. Так, А. В. Венедиктов писал: «Регулируя общественные отношения между людьми и тем самым придавая им форму правоотношений...» и т. д. (А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, стр. 616).

О правоотношении можно говорить, имея в виду единство его экономического содержания и юридической формы, и тогда оно охватывает как область базиса, так и область надстройки. Правоотношение в этом смысле есть самое общественно-производственное отношение, урегулированное нормами права. Но о правоотношении можно говорить и в ином смысле, имея в виду только его юридическую форму, и тогда перед нами идеологическое отношение, целиком включающееся в область юридической надстройки. Правоотношение в этом смысле есть та форма или тот вид, который приобретает общественно-производственное отношение, будучи урегулированным нормами права²⁴.

Мы касались до сих пор лишь общественно-производственных отношений для того, чтобы сосредоточиться на наиболее спорном участке интересующей нас проблемы. Но с еще большим основанием те же рассуждения могут быть распространены на иные общественные отношения, не включаемые в область экономического базиса общества. Следовательно, всякое общественное отношение, будучи урегулированным нормами права, приобретает вид правового отношения²⁵.

Какие же специфические свойства возникают у общественного отношения вследствие того, что оно облекается в правовую форму? Ответ на этот вопрос имеет существенное значение, ибо только таким путем можно уяснить, в чем заключается сущность юридического закрепления тех общественных отношений, которые подвергаются правовому регулированию. Пытаясь разрешить его, мы отмечали в свое время, что правоотношение характеризуется, во-первых, конкретным составом его участников, во-вторых, точной фиксированностью их взаимного поведения, в-третьих, обеспечением его осуществления силой государственного принуждения²⁶.

Последний из перечисленных моментов сомнений не вызывает, и указание на него встречается едва ли не в каждой работе, посвященной проблеме правоотношения. Спорными являются два первых момента. Действительно, структура различных правоотношений далеко не одинакова. В правоотношениях одного типа участвует определенное управомоченное и противостоящее ему определенное обязанное лицо. Таковы, например, правоотношения, возникающие из гражданских договоров. В правоотношениях другого типа определена только личность управомоченного при отсутствии такой же определенности на стороне обязанных лиц. Таковы, например, правоотношения собственности, а также правоотношения, связанные с именем, честью, достоинством и т. п. В последнем случае нельзя как будто бы говорить о конкретном составе участников правоотношения, и уже по этой причине отпадают основания считать точно фиксированным их взаимное поведение.

В учении о правоотношении внимание исследователя обычно устремляется на правоотношения первого типа, поскольку все характерные для правоотношения признаки выявлены здесь с большей четкостью и наглядностью. Между тем, для того чтобы полученные таким

²⁴ С. Ф. Кечекьян («Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 24) и А. А. Пионтковский («Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 23) принимают лишь это последнее определение, которое касается правоотношения только как правовой формы лежащего в его основе общественного отношения. Мы думаем, что меньшую научную ценность представляет также и то определение, которое охватывает правоотношение в единстве его формы и содержания, тем более, что вне присущего ему содержания немислимо всестороннее изучение правового отношения.

²⁵ В работе «Правоотношение по советскому гражданскому праву» вместо того, чтобы сказать: «Всякое правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права», мы писали: «Всякое правоотношение регулируется нормами права...» (стр. 19). Эта словесная неточность послужила поводом к различного рода упрекам уже не словесного, а сугубо научного характера (см., например, С. Ф. Кечекьян. Нормы права и правоотношения. «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 23; Ю. К. Толстой. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 155), как если бы мы отстаивали какую-то особую теорию, вытекающую из приведенного неудачного выражения. В действительности, однако, дело здесь ограничивается, по меткому выражению А. Е. Пашерстника, оплошностью, встречающейся иногда даже у тех, кто отмечает недопустимость (см., например, самокритическое замечание А. Е. Пашерстника на стр. 75 его книги «Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде». Юриздат, 1955).

²⁶ См. «Правоотношение по советскому гражданскому праву», стр. 18–19.

путем выводы не оказались полностью опровергнутыми, необходимо проверить их правильность на правоотношениях второго типа. Только при этом условии может быть создано действительно *общее* учение о правоотношении.

Из числа правоотношений, относящихся ко второму типу, особое внимание было уделено в последние годы вопросу о структуре правоотношений собственности. Мы также намерены обратиться к их характеристике, чтобы попытаться на этом примере сформулировать некоторые общие положения о структуре правоотношений второго типа.

Многие советские авторы считали, что в правоотношении собственности на одной стороне выступает сам собственник, а на другой – все третьи лица, несущие пассивную обязанность воздержания. Против этой концепции как в печатной литературе, так и в устных дискуссиях был выдвинут, однако, ряд серьезных возражений. Указывалось, в частности, на то, что, во-первых, нельзя сводить круг обязанных ко всем вообще третьим лицам, так как, лишая правоотношения собственности какой бы то ни было определенности, такой взгляд приводит к выхолащиванию их классовой сущности; во-вторых, нельзя сводить в социалистическом обществе обязанность в правоотношениях собственности к пассивному воздержанию, ибо граждане СССР выполняют важную активную функцию, будучи обязанными, согласно ст. 131 Советской Конституции, беречь и укреплять социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу нашего общественного строя.

В связи с этим по вопросу о структуре правоотношений собственности выдвигаются новые взгляды.

Согласно одному из них, выдвинутому С. И. Аскназием²⁷, «ядром» собственности является собственность на средства производства, а эта последняя имеет экономический смысл лишь при условии приложения к ней труда, что не может не получить своего отражения также и в правоотношениях собственности. Исходя из этого С. И. Аскназий считал, что в правоотношениях собственности собственнику противостоят не все третьи лица, обязанные к пассивному воздержанию, а те конкретные лица, которые, в силу существующей системы классовых отношений, должны прилагать свой труд к принадлежащим собственнику средствам производства.

Однако, не говоря уже о том, что все эти рассуждения неприменимы к праву собственности на предметы, предназначенные для индивидуального потребления собственника, а также на средства производства, приводимые в движение его собственным трудом, их нельзя считать правильными даже по отношению к тому «ядру» собственности, которое имел в виду С. И. Аскназий, если, разумеется, оставить в стороне общественно-экономические формации, в которых господствует внеэкономическое принуждение. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, отношения по применению труда опосредствуются не нормами о праве собственности, а нормами обязательственного права в капиталистических странах и нормами трудового права в странах социалистических. Следовательно, конкретные субъекты появляются не в самих правоотношениях собственности, а в возникающих на их основе правоотношениях иного характера. Нас же интересует вопрос о субъектном составе самих правоотношений собственности.

На эту уязвимую сторону концепции С. И. Аскназия обратил внимание Ю. К. Толстой, выступивший одновременно и против сведения круга обязанных лиц в правоотношениях собственности ко всем третьим лицам. Переходя, однако, от критических замечаний к положительным выводам, Ю. К. Толстой фактически возвращается на позиции теории «третьих лиц», хотя и отвергал ее вначале как основанную, по его мнению, на формально-догматическом методе исследования правовых явлений. Так, он пишет, что «...в субъектный состав

---

²⁷ См. С. И. Аскназий. Основные вопросы теории социалистического гражданского права (автореферат докторской диссертации). Вестник ЛГУ, 1947, № 12, стр. 95 и сл.

правоотношения капиталистической собственности на средства производства входят все третьи лица, которые обязаны воздерживаться от нарушений права собственности...»²⁸. Выделив в правоотношениях государственной социалистической собственности в особую категорию работников социалистического производства, автор тут же добавляет, что в субъектный состав этих отношений «...входят все члены социалистического общества, а не только те из них, которые прилагают свой труд к общенародным средствам производства»²⁹. «...В качестве субъектов права кооперативно-колхозной собственности выступают отдельные коллективы трудящихся. Все остальные члены общества выступают по отношению к субъектам права кооперативно-колхозной собственности в качестве обязанных лиц»³⁰. «В сфере потребления исполнение всеми третьими лицами возложенной на них обязанности пассивного воздержания достаточно для того, чтобы юридически обеспечить носителю права личной собственности возможность определенного поведения, в результате чего происходит удовлетворение охраняемых законом интересов собственника»³¹.

Таким образом, во всех тех видах правоотношений собственности, анализом которых занялся Ю. К. Толстой, на обязанной стороне выступают все лица, противостоящие собственнику. Чем же тогда отличаются его взгляды от «традиционной» концепции? По мнению автора, двумя моментами: во-первых, тем, что он указывает на недостаточность для удовлетворения интересов собственника пассивного воздержания третьих лиц, а во-вторых, тем, что применительно к социалистической собственности вообще не может быть речи ни о «третьих», «чужих», «посторонних» лицах, ибо члены советского общества входят в состав всенародного коллектива, которому принадлежит право государственной собственности, ни об их обязанности пассивного воздержания, ибо советские люди активно участвуют в укреплении и развитии социалистической собственности³².

Мы пока оставляем в стороне вопрос о том, какие функции выполняют советские люди в правоотношениях государственной собственности и в каком качестве они в этих правоотношениях выступают. Для нас важно сейчас отметить, что даже в таких правоотношениях, с точки зрения Ю. К. Толстого, на обязанной стороне выступают все вообще лица, все члены социалистического общества. Что же касается его указаний, что для удовлетворения своих интересов собственник нуждается в установлении разнообразных иных правоотношений, то, во-первых, этого никто никогда не отрицал³³, ибо никто, кажется, в нашей литературе не предлагал ликвидировать все правовые институты, кроме норм о праве собственности, а во-вторых, это не имеет никакого отношения к вопросу о субъектном составе правоотношений собственности: когда собственник вступает, например, в разнообразные договорные правоотношения, то его контрагенты становятся субъектами этих правоотношений, а не правоотношений собственности.

Итак, попытка Ю. К. Толстого отрешиться от «традиционной» концепции, несмотря на всю остроту выдвинутых против нее возражений, не увенчалась успехом. И он не пошел дальше «третьих лиц» или «всех лиц», а, выйдя за пределы этого «круга», он сразу же оказывается вместе с тем и за пределами правоотношений собственности.

²⁸ Ю. К. Толстой, ук. соч. стр.21.

²⁹ Там же, стр.30.

³⁰ Там же, стр.37.

³¹ Там же, стр.48.

³² См.тамже, стр.16–18.

³³ Ю. К. Толстой пытается приписать подобное отрицание нам (см. стр. 18 его работы). Но мы говорили лишь о том, что *в пределах правоотношений собственности* интересы собственника юридически в полной мере обеспечиваются воздержанием всех третьих лиц (см. «Правоотношение по советскому гражданскому праву», стр. 103–104). Если же иметь в виду *общие* потребности собственника средств производства, то на этот счет было сказано нечто совсем иное: «Разнообразие правовых форм, в которых протекает процесс расширенного социалистического воспроизводства, выражается в *различных* правовых отношениях. Вне этих форм не может осуществляться процесс расширенного социалистического воспроизводства» (стр. 12).

Существенно новый подход к тому же вопросу выражен во взглядах Д. М. Генкина. По его мнению, «...у собственника создается правоотношение с государством, предоставляющим собственнику “своей властью”, независимо от других лиц, использовать правомочия владения, пользования и распоряжения вещью и одновременно обязывающим всех других лиц не нарушать субъективное право собственника. Это не правоотношение собственника со всеми другими лицами, это – правоотношение и собственника и всех других лиц с государством»³⁴. В каком же качестве государство противостоит собственнику в этом правоотношении? Если собственник является управомоченным, то, по-видимому, государство должно быть лицом обязанным? Однако Д. М. Генкин тут же предупреждает: «Государство суверенно, оно само устанавливает нормы объективного права, и говорить о правовых обязанностях государства как такового значит скатываться на позиции буржуазной концепции “правового государства”»³⁵. Итак, государство не является в правоотношении собственности обязанным лицом. Третьи лица также обязаны не перед собственником, а перед государством. С кем же в таком случае собственник состоит в правоотношении? Из концепции Д. М. Генкина следует, что право собственности вообще находится вне всякого правоотношения, но тогда оно перестает быть субъективным правом.

Трудно понять теоретические и практические мотивы, побудившие автора к выдвиганию подобной конструкции. Если при этом имелось в виду таким способом избавиться от категории «всех третьих лиц», то цель оказывается недостигнутой, ибо «все третьи лица» продолжают фигурировать и здесь, с той лишь особенностью, что они повернуты не в сторону собственника, а в сторону государства. Практически же эта конструкция делает непонятным многое из того, что раньше сомнений не вызывало. Непонятно, в частности, почему ответственность за нарушение своей обязанности «третьи лица» несут также перед собственником, если они обязаны только перед государством? Но главное обстоятельство, делающее конструкцию Д. М. Генкина решительно неприемлемой, состоит в том, что она порывает с научными основами учения о правоотношении в целом, допуская существование либо субъективного права вне правоотношения, либо правоотношения, в котором участвует только управомоченный при отсутствии противостоящего ему обязанного лица.

Как же, однако, может быть положительно решен вопрос о структуре правоотношений собственности?

Существенное значение для его правильного разрешения имеют, на наш взгляд, два момента, забвение которых приводит в одном случае к необоснованной критике некоторых существующих концепций, а в другом – к формулированию выводов, которые по сути дела прямого отношения к праву собственности не имеют.

Первый из упомянутых моментов сводится к тому, что правовые отношения собственности закрепляют существующие экономические, производственные отношения, причем закрепляют последние в их основе, которую составляет обладание средствами производства. Но производственные отношения – это отношения, которые охватывают все общество. При капитализме они выступают как отношения между классом, владеющим средствами производства (буржуазией), и классом, лишенным средств производства (пролетариатом). При социализме, в пределах производства, которое осуществляется на базе государственной собственности, являющейся всенародным достоянием, производственные отношения выступают как отношения всего общества с членами общества. Спрашивается теперь, почему же производственные отношения могут выступать, и действительно выступают, как отношения, охватывающие все общество, а закрепляющие их правоотношения собственности не могут и не должны обладать таким же субъектным составом? Известно, что критики «традиционной»

³⁴ «Советского государственного права», 1955, № 6, стр. 129.

³⁵ Там же.

теории третьих лиц немало иронизировали по ее адресу. При этом, обвиняя советских авторов этой теории в том, что они заимствуют идеи буржуазной (французской) цивилистики, сами критики без всякого смущения нередко пользуются критическими аргументами, заимствованными у Петражицкого. Как часто приходится в устных дискуссиях слышать от критиков рассказ об иголке, покупка которой порождает отношения со всеми, вплоть до готтентотов!

Оставим, однако, в покое Петражицкого, как, впрочем, и французскую цивилистику, учитывая достаточную осведомленность критиков о том, что Ортолан, Глассон, Демог, Планиоль и другие французские цивилисты, отстаивавшие теорию «третьих лиц», никогда не выводили ее из производственных отношений общества, опосредствуемых нормами о праве собственности. Но тем, кто оказывается убежденным иронией, которая сама по себе является аргументом более чем сомнительным, следовало бы задуматься над тем, не обращается ли эта ирония не только против правоотношений собственности, но и против закрепляемых ими экономических отношений, всеобщая общественная значимость которых едва ли может быть кем-либо поставлена под сомнение.

Если верно, что производственные отношения охватывают общество в целом, если верно, далее, что основа производственных отношений – обладание средствами производства – закрепляется правоотношениями собственности (а все это безусловно верно), то из этого с непреложностью следует вывод, что и правоотношения собственности должны по своему субъектному составу строиться так, чтобы охватывать все общество. При этом, субъектный состав правоотношений собственности, всегда соответствуя субъектному составу экономических отношений, может выражать его не только в прозрачно-ясном, но иногда и в извращенно-замаскированном виде.

Так, при капитализме в экономических, производственных отношениях противостоят друг другу два класса: класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. В отличие от этого в правоотношениях собственности на одной стороне выступает отдельный абстрактный индивид – собственник, а противостоят ему не только эксплуатируемые работники производства, но и все вообще третьи лица. Вследствие этого эксплуататорская сущность капиталистической собственности, которая, как показал Маркс, затушевывается самими экономическими категориями и явлениями капитализма (вспомним о товарном фетишизме!), в еще большей степени маскируется правоотношениями собственности.

В условиях социализма, напротив, субъектный состав правоотношений собственности прямо и непосредственно выражает социальную сущность социалистических производственных отношений. Отношения государственной социалистической собственности, принадлежащей всему народу, являются по своей социально-экономической природе отношениями всего общества как собственника всенародного достояния с каждым членом общества. Но и в правовых отношениях государственной собственности выступают: на одной стороне – социалистическое общество как целое, как единый всенародный коллектив, а на другой стороне – те же советские люди, но уже не в качестве единого целого, а в качестве членов социалистического общества.

Из сказанного следует, что, с нашей точки зрения, правоотношения собственности по своей структуре являются отношениями собственника как управомоченного, которому противостоят все подчиненные данному правопорядку лица как обязанные.

Но не противоречит ли это выдвинутому ранее положению о том, что правовые отношения являются способом *конкретизации* закрепляемых ими общественных отношений? О какой конкретизации может идти речь, если в качестве обязанных в правоотношениях собственности выступают все вообще третьи лица?

Подобные сомнения возникают вследствие того, что, ориентируясь на правоотношения первого типа, исследователь под конкретным составом правоотношения понимает участие в нем отдельных, точно названных лиц. Но конкретность субъектного состава правоотноше-

ния выражается не в числе его участников, а в точной их *определенности*, каким бы ни было их число. Такая определенность существует и в правоотношениях второго типа, в частности в правоотношениях собственности. Закон достаточно определенно называет личность обязанного в правоотношениях собственности, когда он говорит: *каждый* обязан не посягать на принадлежащее данному субъекту право собственности. Никаких сомнений на этот счет не испытывает и практика. В самом деле, совершить правонарушение может лишь тот, кто нарушил свою обязанность. Но когда, например, кто-либо привлекается к ответственности за причинение вреда другому, суд и не ставит вопроса о том, лежала ли на нем обязанность не причинять вреда: раз такая обязанность лежит *на каждом*, то она лежала, естественно, и на правонарушителе.

Изложенное дает основание сформулировать первый вывод по поводу сходства и различия между правоотношениями двух типов. Сходство состоит в том, что правоотношение каждого типа конкретизирует закрепляемое им общественное отношение. Различие же состоит в том, что правоотношение первого типа конкретизирует соответствующее общественное отношение *индивидуальным методом*, путем указания лишь на какое-либо отдельное обязанное лицо (или отдельных обязанных лиц), а конкретизация в правоотношениях второго типа достигается *всеобщим методом*, путем возложения обязанности на всех.

Второй момент, который также имеет важное значение для анализа правоотношений собственности, *сводится к тому, что последними не исчерпываются правовые отношения, направленные на закрепление существующих в обществе экономических отношений*. Ввиду этого следует строго различать функции, выполняемые участниками правоотношений собственности, и функции, выполняемые теми же лицами, но уже как участниками *других* правоотношений.

В литературе неоднократно высказывалось утверждение, что обязанные субъекты *в правоотношении собственности* выполняют лишь одну функцию: они должны воздерживаться от посягательств на право собственности. Однако многие авторы решительно выступили против этого утверждения, заявив, что оно неприменимо к социалистической собственности. Особое внимание этому вопросу уделил Ю. К. Толстой, присовокупив к соображениям, которые высказывались ранее, некоторые новые аргументы. Попробуем в них разобраться, сосредоточившись, в интересах краткости, лишь на государственной социалистической собственности.

Отметим прежде всего, что едва ли кто-либо стал бы отрицать лежащую на всех советских гражданах обязанность не посягать на всенародное достояние. Эту обязанность они выполняют в самих правоотношениях государственной собственности. Но на советских гражданах лежат и другие обязанности: они обязаны беречь и укреплять социалистическую собственность (ст. 131 Конституции), они несут также обязанность трудиться (ст. 12 Конституции), которой соответствует принадлежащее им право на труд (ст. 118 Конституции). Наличия у советских граждан всех этих обязанностей никто не отрицает. Спор идет не об их существовании, а о том, *элементами какого правоотношения эти обязанности являются* – элементами правоотношения государственной собственности или каких-либо иных правоотношений? Мы просили бы читателя постоянно иметь в виду это обстоятельство для того, чтобы если он и не согласится с нами, то, по крайней мере, смог бы правильно оценить отстаиваемую здесь точку зрения.

Итак, входят ли названные обязанности и соответствующие им права советских граждан в состав правоотношений государственной собственности?

Отвечая на этот вопрос положительно, обычно ссылаются на ст. 131 Конституции. Но в этой статье сказано: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую *собственность...*» (курсив мой. – О. И.). Собственность же и право собственности – не одно и то же. Собственность как основа экономического базиса общества опосредствуется не только правоотношениями собственности, но и многообразными иными

правоотношениями. Какие же имеются основания утверждать, что, говоря об обязанности граждан беречь и укреплять социалистическую *собственность*, ст. 131 Конституции имела в виду их обязанность как участников правоотношений собственности, а не иных правоотношений, закрепляющих социалистическую собственность? Текст закона оснований для такого вывода не дает. Но, быть может, такой вывод обосновывается предложенным в литературе толкованием ст. 131 Конституции?

Рассмотрим то ее толкование, которое дано в работе Ю. К. Толстого. «...Советские люди, – пишет он, – берегут и укрепляют социалистическую собственность, совершая самоотверженные действия по предотвращению вреда, угрожающего социалистической собственности...»³⁷ Но тут же автор добавляет: «...Обязанность советских людей к совершению действий по предотвращению вреда, угрожающего социалистической собственности, несомненно охватывается содержанием ст. 131 Конституции СССР. Однако, за исключением случаев, указанных в законе, такая обязанность не может быть признана правовой, так как никакой юридической санкции на случай ее неисполнения не установлено»³⁸. Следовательно, этот случай прямого отношения к интересующему нас вопросу о характере *правовых обязанностей*, лежащих на участниках правоотношений социалистической собственности, не имеет.

«Советские люди, – продолжает Ю. К. Толстой, – берегут и укрепляют социалистическую собственность прежде всего своим самоотверженным трудом на благо Родины, активным участием в строительстве социализма»³⁹. Бесспорное положение! Но дело в том, что право на труд и обязанность трудиться, об осуществлении которых в данном случае идет речь, предусмотрены в качестве самостоятельных конституционных прав советских граждан. В литературе спорят о том, является ли право на труд субъективным правом или элементом правоспособности. Не сомневаясь в том, что это право опирается на социалистическую собственность, никто еще не включал его в *правоотношение собственности*. Однако к такому выводу приходит, по-видимому, Ю. К. Толстой, когда он пишет: «Основная особенность субъектного состава правоотношения государственной социалистической собственности состоит в том, что советские люди выступают в указанном правоотношении одновременно и в качестве управомоченных и в качестве обязанных... Выступая в качестве управомоченного, каждый член социалистического общества имеет право прилагать свой труд к общенародным средствам производства и требовать вознаграждения по количеству и качеству труда. В этом случае обязанным перед ним оказывается все общество. Выступая в качестве обязанного беречь и укреплять социалистическую собственность и, прежде всего, своим трудом умножать всенародное достояние, каждый член социалистического общества в свою очередь обязан перед всем обществом»⁴⁰.

Если бы мы согласились, что перечисленные права и обязанности действительно принадлежат советским гражданам, входят в состав правоотношений государственной собственности, а не других правоотношений, то мы должны были бы сделать следующие выводы.

Во-первых, мы должны были бы признать, что право на труд и обязанность трудиться не являются самостоятельными конституционными правами и обязанностями советских граждан, а представляют собой лишь один из элементов правоотношений государственной собственности. В действительности, однако, трудовые отношения регулируются в СССР не нормами о праве собственности, а нормами трудового права.

Во-вторых, если государство в самих отношениях собственности несет обязанности перед гражданами, то тогда право государственной собственности следовало бы трактовать как правообязанность государства. Но право собственности государства сочетается с его поли-

³⁷ Ю. К. Толстой, ук. соч. стр.28.

³⁸ Там же, стр.29.

³⁹ Там же, стр.28.

⁴⁰ Там же, стр.29–30.

тическим верховенством, что исключает возможность трактовки этого права одновременно и как обязанности.

В-третьих, право в правоотношении собственности может принадлежать только самому собственнику. Собственником всенародного имущества в СССР является общество как целое, а не отдельные его члены. Право на труд же принадлежит каждому в отдельности члену социалистического общества. Если бы это право являлось элементом правоотношения собственности, каждого члена социалистического общества уже как такового, а не через общество в целом, пришлось бы признать собственником государственных имуществ.

Таким образом, попытка доказать, что в самом правоотношении государственной собственности каждый гражданин, выступая одновременно и в качестве управомоченного и в качестве обязанного, выполняет не только пассивную, но и активную функцию, не увенчалась успехом. Советские граждане наделены большим числом важнейших прав, они проявляют высокую активность в деле укрепления и развития социалистической собственности. Но и эти их права, и эта их активность составляют область других правовых институтов, а не права государственной собственности.

Да иначе и быть не может. Одна из специфических особенностей правоотношений собственности, как и всех других правоотношений второго типа, состоит в их длящемся, бессрочном характере. Совершенно очевидно, что нельзя требовать от обязанных лиц непрерывного совершения положительных действий. Этого можно требовать от них лишь при определенных условиях, указанных в законе и именуемых юридическими фактами. Но юридический факт, предусмотренный законом, порождает новое правоотношение. Следовательно, пока собственник остается в пределах правоотношений собственности, он не может от противостоящих ему обязанных лиц требовать ничего другого, кроме воздержания. Право на положительные действия он приобретает лишь при условии, что на основе правоотношений собственности и указанных в законе юридических фактов возникли какие-то иные правоотношения, и именно как участник этих последних правоотношений собственник приобретает право на положительные действия обязанных лиц.

Изложенное дает основание сформулировать второй вывод по поводу сходства и различия между правоотношениями двух типов. Сходство состоит в том, что правоотношение каждого типа точно определяет взаимное поведение его участников. Различие же состоит в том, что правоотношение первого типа может определить поведение обязанного лица и как активное и как пассивное, тогда как правоотношение второго типа определяет лишь пассивное поведение обязанных лиц. Для возложения же на обязанное лицо активной функции необходимо, чтобы между ним и управомоченным, на основе правоотношения второго типа и указанных в законе юридических фактов, возникло новое правоотношение – правоотношение первого типа.

3

В предшествующем изложении мы пытались показать, что правоотношение, рассматриваемое как явление надстроечное, представляет собой вид или форму, в которую облекается урегулированное правом общественное отношение. Из этого следует, что *материальное* содержание всякого правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется.

Наряду с материальным, правоотношение, как явление идеологического порядка, обладает и своим особым, относительно самостоятельным, *идеологическим* содержанием. При этом, поскольку нормы права реализуются посредством устанавливаемых на их основе правоотношений, поскольку, таким образом, нормы и правоотношения находятся в диалектической связи и единстве, их идеологическое содержание также должно быть единым. Таким содержанием является воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях. Что идеологическое содержание правоотношений нужно искать именно в волевом моменте, с непреложностью доказывалась ленинской характеристикой идеологических отношений как отношений волевого характера⁴¹.

Наконец, правоотношение как *правовое* явление обладает и своим особым *юридическим* содержанием, которое, на наш взгляд, воплощается в субъективных правах и обязанностях его участников. В основу этого вывода положены следующие соображения.

Во-первых, подобно единству их идеологического содержания такое же единство должно быть присуще и юридическому содержанию права и правоотношений. Юридическое содержание норм права представлено сформулированными в них *общими* правилами поведения, которые в правоотношении приобретают значение *конкретных* правил, адресованных его участникам. Но желательное и должное поведение участников правоотношения фиксируется в их субъективных правах и обязанностях. Поэтому последние и составляют юридическое содержание правоотношения.

Во-вторых, специфика того или иного явления, отличающая его от других, смежных явлений, заключается в его содержании. Но специфика правового отношения в том и состоит, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Это обстоятельство также подтверждает обоснованность признания за правами и обязанностями значимости юридического содержания правоотношения.

В-третьих, содержание всякого явления должно сопутствовать ему от момента его возникновения до момента его исчезновения. Допустив противное, мы пришли бы к нелепому выводу о возможности существования бессодержательных явлений. Но именно права и обязанности его субъектов сопутствуют правоотношению непрерывно, а их изменение или прекращение влечет за собой изменение или прекращение самого правоотношения. Следовательно, и с этой точки зрения отстаиваемый взгляд на юридическое содержание правоотношения выдерживает испытание и проверку.

Тем не менее он разделяется далеко не всеми авторами. Еще в 1950 г., выступая при обсуждении доклада И. Л. Брауде в секторе гражданского права ВИЮНа, С. Н. Братусь указывал, что «...соотношение права и обязанности и есть само правоотношение, а тогда содержанием правоотношения будет поведение участвующих в нем лиц...»⁴². Правда, впоследствии С. Н. Братусь пришел к другому выводу, признав, что «между участниками правоотноше-

⁴¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 61, 70.

⁴² «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 86.

ния устанавливается определенная связь, у них возникают определенные права и обязанности, составляющие содержание правоотношения»⁴³.

Однако в последние годы высказанное в свое время М. М. Агарковым мнение о том, что содержание правоотношения составляет поведение его участников⁴⁴, вновь получило поддержку в литературе. С особой решительностью его отстаивают обратившиеся к анализу процессуального правоотношения некоторые советские процессуалисты и, в частности, В. П. Мозолин. Усматривая основной недостаток даваемых в литературе определений советского гражданского процесса в том, «...что в них искусственно разобщены неразрывно связанные между собою явления – процессуальная деятельность субъектов процесса и процессуальные правоотношения», что «авторы указанных определений считают содержанием гражданского процесса одновременно и процессуальную деятельность субъектов процесса и возникающие между ними в ходе рассмотрения и разрешения судом гражданских дел процессуальные правоотношения...», – В. П. Мозолин вину за такое положение возлагает на распространенный в литературе взгляд, «...согласно которому в содержание правоотношений не включаются действия их субъектов»⁴⁵. Сам же он приходит к иному выводу. «...Под любым общественным отношением, – пишет В. П. Мозолин, – ...нужно понимать не только положение людей, которое они занимают при совершении действий, но вместе с тем и их взаимоотношения, проявляющиеся в совершении разного рода действий.

Действия людей составляют содержание всех без исключения общественных отношений»⁴⁶.

Мы должны прежде всего отметить, что не усматриваем неизбежной связи между теми определениями советского гражданского процесса, которые В. П. Мозолин признает ошибочными, и критикуемым им взглядом на юридическое содержание правоотношения. Сторонники этого взгляда вовсе не исключают поведения людей из их взаимных отношений, но, считая поведение необходимым элементом правоотношения, не признают его лишь содержанием последнего. Поэтому, опираясь на данную теорию, трудно, если не невозможно, доказать, что процессуальные правоотношения и процессуальная деятельность существуют как разобщенные явления. Этого, кстати сказать, не утверждают и такие процессуалисты, как С. Н. Абрамов и А. Ф. Клейнман, хотя они и различают понятия процессуальных правоотношений и процессуальной деятельности⁴⁷.

Мы не можем также согласиться и с общетеоретическим выводом В. П. Мозолина о том, что *юридическое* содержание правоотношения образует поведение его субъектов.

Известно, что поведение само по себе лишено каких-либо правовых признаков и приобретает их лишь вследствие указаний на юридическую значимость соответствующего поведения, содержащихся в нормах права. В частности, действия субъектов правоотношения приобретают юридическое значение только потому, что они совершаются в целях осуществления субъективных прав и в порядке выполнения обязанностей. Как же в таком случае сами эти действия могут воплощать в себе юридическое содержание правоотношения? И не потому ли В. П. Мозолин вынужден в конце концов заявить, что «...содержанием правоотношений будут не только сами действия субъектов правоотношений, но вместе с тем и те права и обязанности,

⁴³ Советское гражданское право, под ред. С. Н. Братуся, 1960, стр. 49.

⁴⁴ См. М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940, стр. 22, 23. См. также стр. 71 написано Щ. М. Генкиным главы о правоотношении учебнике гражданского права для вузов, изд. 1944, ч. 1. Но уже в следующем издании учебника (ч. I, 1951, стр. 108, 109) Д. М. Генкин называет в качестве содержания правоотношения права и обязанности субъектов.

⁴⁵ В. П. Мозолин ук. соч., стр. 50.

⁴⁶ Там же, стр. 52.

⁴⁷ См. С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс, 1952, стр. 6; А. Ф. Клейнман. Советский гражданский процесс, 1954, стр. 8–9.

предоставленные законом, на основании которых субъекты правоотношений могут совершать свои действия»⁴⁸? В результате получается, что правоотношения обладают двойным юридическим содержанием: его составляют и поведение субъектов, и права и обязанности последних. Но тогда первое содержание по крайней мере подчинено второму, ибо действия совершаются *в соответствии с* правами и обязанностями! Значит, и с этой точки зрения решающее значение для содержания правоотношения имеют права и обязанности его участников, а не поведение последних?

Но дело не только в этом. Как уже отмечалось, содержание любого явления должно сопутствовать ему на всем протяжении его существования. Соответствует ли этому требованию поведение субъектов правоотношения? Возьмем то же процессуальное правоотношение. Оно возникает с момента предъявления иска и прекращается в момент исполнения судебного решения. Как же быть с содержанием процессуального правоотношения в те периоды его существования, когда никакие связанные с ним процессуальные действия не совершаются? Если бы мы сказали, что и в этом случае речь должна идти о действиях, то тогда следовало бы признать, что правоотношение временно лишено своего содержания. Чтобы выйти из этого положения, иногда указывают, что в таких случаях нужно говорить не о реальных, а лишь о возможных действиях. Но юридическая возможность и необходимость совершения определенных действий – это и есть не что иное, как права и обязанности. Поэтому они, и только они, могут быть признаны юридическим содержанием правоотношения.

Если, однако, в вопросе о содержании правоотношения большинство авторов в настоящее время сходится на том, что его образуют субъективные права и обязанности, то при определении сущности самих субъективных прав и обязанностей тех же авторов нередко разделяют весьма существенные разногласия, особенно резко проявляющиеся в характеристике понятия субъективного права. На этот счет в литературе были выдвинуты два различных взгляда. Одни авторы в формулируемых ими определениях субъективного права придают решающее значение возможному или дозволенному поведению самого управомоченного. «...Субъективное право, – пишет С. Н. Братусь, – это мера возможного поведения данного лица, обеспеченная законом и тем самым соответствующим поведением обязанных лиц»⁴⁹. Другие же авторы, напротив, говоря о понятии субъективного права, переносят центр тяжести на обеспеченность возможного поведения управомоченного поведением обязанных лиц. Мы также склонялись к этой позиции, считая: что «...субъективное право есть юридическое средство обеспечения определенного поведения обязанных лиц, обуславливающее для управомоченного... возможность совершения его собственных действий»⁵⁰.

Переходя от абстрактных определений к их проверке на материалах конкретных правоотношений, нельзя не заметить, что последнее определение ориентируется главным образом на правоотношения первого типа, в которых управомоченному противостоит отдельное обязанное лицо, выполняющее активную функцию. Так, если взять заемное обязательство и попытаться подвергнуть анализу субъективное право кредитора с точки зрения его понимания как меры возможного поведения, то окажется, что эта мера сводится единственно к возможности требовать уплаты долга, т. е. требовать совершения определенных действий должником. Не подлежит как будто бы сомнению, что в этих случаях сущность субъективного права состоит не в мере возможного поведения самого управомоченного, а в том поведении обязанных лиц, на которое он вправе притязать.

Но как только мы обращаемся к правоотношениям второго типа, в которых управомоченному противостоят в качестве обязанных все лица, выполняющие пассивную функцию, ста-

⁴⁸ В. П. Мозолин, ук. соч. стр.53.

⁴⁹ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, 1950, стр. 13.

⁵⁰ О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву, стр.53.

новится затруднительным отстаивать тот взгляд, будто сущность субъективного права состоит не в том, что может делать сам управомоченный, а в том, что он вправе требовать от обязанных лиц. Так, если взять правоотношение собственности и подвергнуть его анализу с точки зрения подобного понимания субъективного права, то окажется, что от обязанных лиц собственник вправе требовать всего лишь воздержания, между тем как сам он может владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Не подлежит как будто бы сомнению, что в этих случаях сущность субъективного права состоит не в том, что должны делать обязанные лица, а в том, что может делать сам управомоченный, т. е. в мере возможного поведения управомоченного.

В действительности, однако, сущность субъективного права является единой, как бы ни отличались друг от друга правоотношения различных типов. Эта единая сущность и должна быть выражена в едином определении.

Мы думаем, что оба приведенных определения субъективного права страдают известной односторонностью и не учитывают всего многообразия связей, характерных для правоотношения, одним из элементов которого субъективное право является.

Всякое правоотношение представляет собой связь, во-первых, между его субъектами и, во-вторых, между последними и государством⁵¹.

Связь участников правоотношения с государством выражается не только в том, что государство обеспечивает осуществление правоотношения в принудительном порядке, но также в том что установленные или санкционированные им правовые нормы определяют круг и характер прав и обязанностей участников правоотношения. Признавая за гражданином субъективное право, государство тем самым указывает, в каких пределах, в какой мере оно считает дозволенным совершение определенных действий управомоченным. Если управомоченный действует в этих пределах, его действия получают защиту со стороны государства. Напротив, он лишается государственной защиты, а иногда лишается и самого субъективного права, если выйдет за пределы установленной государством меры дозволенного поведения. Эта сторона связи, характерная для правоотношения, получает свое теоретическое отражение в понимании субъективного права как меры возможного поведения.

Но одно дело – позиция, которую управомоченный занимает, по отношению к государству, и совершенно иной характер приобретает позиция того же управомоченного по отношению к обязанному лицу.

Если бы субъективное право представляло собой только меру дозволенного управомоченному поведения, то не было бы никакой нужды для обеспечения его осуществления возлагать на других лиц какие-либо обязанности. Дозволенность поведения вытекала бы из самого факта ее государственного признания, и тогда субъективное право действительно могло бы существовать вне правоотношения. Это прекрасно понимают авторы, допускающие подобную возможность. Так, В. И. Серебровский, присоединяясь к теории С. Н. Братуся, пишет: «Исходя из этого понимания субъективного гражданского права, нет оснований не признавать субъективными гражданскими правами принадлежащие данному лицу на основании закона правомочия, заключающиеся в возможности – путем одностороннего волеизъявления – создания, изменения или прекращения правоотношений, причем *таким правомочиям не противостоит ничья конкретная обязанность*»⁵².

На самом деле фактическое совершение управомоченным тех действий, возможность которых за ним государством признана, зависит также и от его взаимоотношений с другими лицами, зависит от поведения этих лиц, от того, совершат ли они действия, необходимые для осуществления принадлежащего управомоченному субъективного права. Поэтому, представляя гражданину субъективное право, государство признает за ним не только определен-

⁵¹ См. Н. Г. Александров, ук. соч. стр.99–100.

⁵² В. И. Серебровский. Очерки советского наследственного права. Изд. АН СССР, 1953, стр.49(курсивной. – О.И.).

ную меру дозволенного ему самому поведения, но и возможность требовать определенного поведения от других, обязанных лиц. И если по отношению к государству субъективное право выступает в качестве меры дозволенного поведения, то по отношению к обязанным лицам оно выступает в качестве возможности требовать определенного поведения с их стороны.

Конечно, обе эти стороны субъективного права тесно между собой связаны. Именно потому, что государство позволяет совершение известных действий управомоченному, он может требовать определенного поведения от обязанных, как и, в свою очередь, соблюдение обязанными предписанного для них поведения необходимо для совершения управомоченным дозволенных ему действий. Но какова бы ни была их взаимосвязь, для государства субъективное право есть мера дозволенного им поведения, а для обязанных лиц оно является требованием о выполнении лежащей на них обязанности.

Оба отмеченных момента характеризуют субъективное право вообще, независимо от того, элементом правоотношения какого типа оно является. Однако для практического осуществления субъективных прав названные моменты в правоотношениях различных типов имеют далеко не одинаковое значение.

В правоотношениях первого типа, например в обязательственных правоотношениях, должное поведение обязанных лиц необходимо не только для охраны субъективного права, но и для его осуществления, так как именно обязанные лица совершают те положительные действия (передают вещь, уплачивают долг, производят работы и т. п.), которые приводят к удовлетворению интересов управомоченного. Здесь, следовательно, центр тяжести субъективного права лежит в том поведении обязанных лиц, на которое управомоченный может притязать.

В правоотношениях второго типа, например в правоотношениях собственности, должное поведение обязанных лиц, выполняющих пассивную функцию, необходимо лишь для охраны субъективного права, а для его осуществления решающее значение имеют действия самого управомоченного, который совершает их (например, владеет, пользуется, распоряжается имуществом) в целях удовлетворения своих законных интересов. Здесь, следовательно, центр тяжести субъективного права лежит в возможных действиях самого управомоченного.

Вместе с тем, не следует забывать, что и в правоотношениях первого типа положительные действия управомоченного также имеют, нередко, весьма существенное значение. Так, например, для удовлетворения интересов нанимателя в договоре имущественного найма необходима не только передача ему вещи наймодателем (положительные действия должника), но и использование ее нанимателем (положительные действия кредитора).

С другой стороны, когда, имея в виду правоотношения второго типа, мы говорим, например, о том, что собственник сам использует свое имущество, то по отношению к собственности на основную массу средств производства это ведь не более, чем теоретическая абстракция, ограничивающаяся лишь *правоотношениями* собственности. В действительности же производительное использование средств производства осуществляется благодаря деятельности работников производства. В капиталистическом обществе они не являются собственниками средств производства. В условиях социализма работник производства является собственником средств производства не как таковой, а через всенародный советский коллектив. Таким образом, для осуществления своих правомочий собственник средств производства вступает в разнообразные иные правоотношения с лицами, положительная деятельность которых приобретает для него решающее значение.

Ввиду этого, мы полагаем, что в общей характеристике понятия субъективного права нужно учитывать его значение и в качестве меры возможного поведения самого управомоченного и в качестве средства обеспечения должного поведения обязанных лиц⁵³. Тогда мы

⁵³ Н. Г. Александров предлагает различать в субъективном праве не две, а три возможности: вид и меру возможного поведения его обладателя, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц, возможность прибегнуть в необ-

получим такое определение субъективного права, которое будет применимым в равной степени к правоотношениям различного типа и позволит вместе с тем в процессе анализа каждого отдельного правоотношения выявить, какой из моментов, характеризующих субъективное право, является существенно важным в данном конкретном случае.

ходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата (см. цит. соч., стр. 108–109). Разумеется, в определении субъективного права должно быть указано на его обеспеченность принудительной силой государства. Но санкция, которой снабжается субъективное право, выступает в нем именно как государственная обеспечительная мера, которую нельзя ставить в один ряд с обеспечиваемой ею дозволенностью поведения и возможностью требовать определенного поведения от обязанных лиц.

4

Едва ли не самым спорным в общем учении о правоотношении является вопрос об объекте правоотношения. Правда, теперь уже почти не приходится встречаться с поддержкой в литературе тезиса о том, что объект – не элемент, а всего лишь возможная, хотя и не необходимая, предпосылка правоотношения⁵⁴. Все как будто бы согласны с тем, что безобъектных прав и правоотношений существовать не может. Все реже также в печати воспроизводится имевшее в прошлом широкое распространение определение объекта, которое гласило: «Объектом права называется то, по поводу чего субъекты права вступают в правоотношение...»⁵⁵. Теперь почти везде объект определяется как то, на что направлено правоотношение, на что направлены права и обязанности его субъектов⁵⁶. Но вопрос о том, какие явления внешнего мира могут выступать в качестве объектов правоотношения, продолжает оставаться остро дискуссионным.

Еще в 20-х годах в работе «Советское хозяйственное право», а также в некоторых предшествовавших ее опубликованию статьях Я. М. Магизинер высказал мысль о том, что единственно возможным объектом правоотношения является поведение людей. Признавая правильной эту идею, мы пытались в работе, опубликованной в 1949 г. («Правоотношение по советскому гражданскому праву», гл. IV), привести дополнительные аргументы в ее обоснование. Она получила поддержку и в других литературных источниках – как в советских⁵⁷ так и в некоторых работах юристов стран народной демократии⁵⁸. Отдельные авторы испытывали в ее оценке значительные колебания. Так, Н. Г. Александров в 1950 г. говорил, что правильно определять «...объект как то, на что воздействует правоотношение. Правоотношение же воздействует всегда на обязанное лицо. Поэтому объектом правоотношения является поведение людей, участвующих в данном правоотношении»⁵⁹. В 1954 г. Н. Г. Александров выступил против этой точки зрения, заявив, что «...объектом права является... имущество...» и что «...теория, отбрасывающая имущественные объекты, воспроизводит буржуазную теорию, согласно которой все граждане, и бедняк и капиталист, имеют равные права, поскольку объект права – не имущество, а действие или воздержание от действий, и, следовательно, уже не имеет значения вопрос о том, какая собственность у бедняка и у капиталиста»⁶⁰. Наконец, многие авторы выступили с самого начала со всей решительностью против теории объекта как действия обязанного лица.

Многочисленные возражения, накопившиеся за истекшие годы, сводятся в основном к следующему.

а) Теория действия не представляет собой чего-либо нового, а воспроизводит соответствующую буржуазную «теорию», направленную на затушевывание эксплуататорской сущности капиталистических отношений, прежде всего эксплуататорской сущности капиталистической собственности (Н. Г. Александров)⁶¹.

⁵⁴ См. Гражданское право, т. 1, 1944, стр. 71.

⁵⁵ А. Голунский и М. Строгович. Теория государства и права, 1940, стр. 227.

⁵⁶ См. «Советское гражданское право», под ред. Д. М. Генкина, т. 1, Юриздат, 1950, стр. 109; «Советское гражданское право», под ред. С. Н. Братуся, 1950, стр. 55.

⁵⁷ См. «Советское гражданское право», под ред. Д. М. Генкина, т. 1, Юриздат, 1950, стр. 110–111; «Теория государства и права», под ред. М. П. Каревои Г. И. Федькина, Юриздат, 1955, стр. 417.

⁵⁸ См. В. Кнани. Собственность в странах народной демократии, Изд. ИЛ, 1954, стр. 30; G. Dornberger. a. Das Zivilrecht der DDR, allgemeiner Teil, 1954, S. 134.

⁵⁹ «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 85.

⁶⁰ «Советское государство и право», 1954, № 6, стр. 120.

⁶¹ См. там же.

б) Эта теория, объявляя объектом права поведение, фактически превращает в объект самого человека, что находится в явном противоречии с подлинной сущностью социалистических общественных отношений и социалистического демократизма (И. В. Павлов)⁶².

в) Она не учитывает того, что «...нельзя отрывать производственные отношения от объектов правоотношений. Производственные отношения – это прежде всего отношения по поводу средств производства. В юридических отношениях средства производства – это объекты правоотношений» (Н. Г. Александров)⁶³.

г) Неубедительны и аргументы, приводимые в обоснование этой теории, сводящиеся к тому, что объектом правового воздействия может быть лишь поведение людей. За этими аргументами, «...по-видимому, скрывается неправильное распространение бесспорного положения, что правоотношение возможно только между людьми, также и на понятие “воздействия”. Между тем “воздействие” есть отношение фактическое; “воздействовать” можно и на вещь (например, посредством использования, уничтожения вещи и т. д.)» (И. Б. Новицкий)⁶⁴.

д) Теория действия не выдерживает критики с практической точки зрения. «Когда мы говорим об объекте правоотношения, надо прежде всего исходить из потребностей практики. А с этой точки зрения объектом права собственности явится всегда вещь, а не воздержание» (С. Н. Братусь)⁶⁵.

Обратимся к анализу этих возражений. Верно ли, что теория действия в том виде, в каком ее формулируют советские авторы, воспроизводит одноименную буржуазную теорию? Если Н. Г. Александров приходит к такому выводу только потому, что о действии как единственно возможном объекте говорили некоторые буржуазные ученые, то и взгляд на объект, им отстаиваемый, мог бы вызвать аналогичные упреки. Действительно, многие буржуазные авторы признают объектом правоотношений только имущество, вещи. Мы далеки, однако, от мысли упрекать Н. Г. Александрова в воссоздании буржуазных концепций, ибо отдаем себе ясный отчет в том, что основной аргумент о неразрывной связи правоотношений с производственными отношениями как отношениями людей по поводу средств производства он не мог заимствовать ни у Вендта, ни у Леонгарда, ни у других буржуазных юристов. Но разве буржуазные юристы, выдвигавшие концепцию объекта-действия, полагали в ее основу общефилософское понимание объекта в марксизме, систему связи между нормами права, идеологическими отношениями, производственными отношениями и производственной деятельностью людей, т. е. все те социально-политические, методологические и практические аргументы, авторами которых являются советские, и только советские, юристы? Какое же здесь заимствование?

Конечно, концепция объекта-действия служит в буржуазной юриспруденции маскировочным целям. Ну, а концепция объекта-вещи той же буржуазной юриспруденции служит иным, разоблачительным целям? У бедняка право на действие и у капиталиста право на действие, следовательно они равны, – так критикует эту теорию Н. Г. Александров. Но если бы мы то же самое сказали о вещи («у бедняка право на вещь и у капиталиста право на вещь»), Н. Г. Александров, вероятно, потребовал бы, чтобы было указано, о каких именно вещах идет речь, – закономерный вопрос в устах советского юриста-марксиста, отстаивающего свою собственную, ни у кого не заимствованную теорию объекта-вещи! Но ведь тот же вопрос нужно ставить и в отношении действия! На какие действия трудящихся приобретает право капиталист? На их трудовую деятельность, создающую капиталисту прибавочную стоимость, – закономерный ответ в устах советских юристов-марксистов, отстаивающих свою собственную, ни у кого не заимствованную теорию объекта-действия! Далее, верно ли, что, признав объектом

⁶² См. там же, № 1.

⁶³ Там же, № 6, стр. 120.

⁶⁴ И. Б. Новицкий Л. А. Луиц. *Общее учение об обязательстве* Юриздат, 1950, стр. 44.

⁶⁵ «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 86.

правоотношения поведение обязанного лица, мы тем самым превращаем в объект самого человека? Предполагая возможность подобного упрека, мы отмечали в свое время, что, во-первых, человек и его поведение – не одно и то же; во-вторых, объектом каждого данного правоотношения является не поведение человека в целом, а лишь то единичное действие или их совокупность, на которые вправе притязать управомоченный; в-третьих, даже авторы, не разделяющие данной теории, не могут не признать, что в ряде случаев объектом правоотношения бесспорно являются действия⁶⁷, что было бы невозможно, если бы подобная позиция приводила к превращению в объект права самого человека⁶⁸. Все эти соображения не произвели впечатления на И. В. Павлова. Во всяком случае он их обходит молчанием. К ним следует, однако, присовокупить ссылку еще на одно в высшей степени важное обстоятельство. Сторонники теории объекта-действия считают, что поскольку правоотношения являются не отношениями человека к вещи, а отношениями между людьми, то и их объектом может быть лишь поведение людей, а не вещи. Стало быть, необходимой предпосылкой признания поведения объектом является признание носителя этого поведения – человека субъектом права. В тех же общественно-экономических формациях, в которых человек объявлялся объектом права, он приравнивался к вещи, а не к поведению. *Servi res sunt*, – говорили римляне. В буржуазной юриспруденции человека также иногда объявляли объектом права те авторы, которые основное место среди правовых объектов отводили вещам. Так, среди четырех групп объектов, перечисленных Беккером, на первом месте фигурируют люди⁶⁹, а Барон делит все возможные объекты правоотношения на две группы: «а) собственная личность каждого человека... б) все, что следует отличать от личности управомоченного...»⁷⁰, куда относятся и вещи. Все эти обстоятельства нужно принять во внимание, прежде чем выдвигать против теории объекта-действия обвинения, которые с гораздо большим успехом могли бы быть выдвинуты против теории объекта-вещи.

Наконец, верно ли, что сторонники теории объекта-действия неправильно трактуют понятие «воздействия», забывая, что оно носит не правовой, а лишь фактический характер? Воздействие может быть, конечно, и фактическим. Но право тоже оказывает воздействие на те общественные явления, на которые оно направлено, и такое воздействие безусловно является юридическим, а не фактическим. Когда И. Б. Новицкий говорит, что на вещь нельзя воздействовать юридически, но на нее можно воздействовать фактически, посредством использования, уничтожения и т. п., то он тем самым лишь подтверждает то, что стремятся доказать авторы критикуемой им теории, а именно, что вещь является не объектом права, а объектом действий человека.

Мы останавливались пока лишь на тех возражениях, которые, по всей вероятности, не могут поколебать отстаиваемого здесь взгляда на объект правоотношения. Иначе обстоит дело с двумя другими, из числа приведенных ранее, возражениями – с указанием Н. Г. Александрова на то, что поскольку производственные отношения являются отношениями людей по поводу средств производства, этот факт должен получить отражение и в правоотношении, а также с указанием С. Н. Братуся на то, что практически невозможно признать, например, объектом права собственности не вещи, а воздержание обязанных лиц. Действительно, сторонники теории объекта-действия концентрировали главное внимание на доказывании основного тезиса, гласящего, что объектом правоотношения может быть поведение, и только поведение, людей. Необходимо, однако, ответить и на другой вопрос: какое же в таком случае место

⁶⁷ Совсем недавно это обстоятельство вновь было отмечено в литературе таким противником рассматриваемой здесь теории, как М. В. Гордон, который признал, что «при рассмотрении отдельных категорий правоотношений оказывается, что таким объектом могут быть иногда только действия людей» (М. В. Гордон. Советское авторское право, 1955, стр. 57).

⁶⁸ См. О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву, стр. 86–87.

⁶⁹ См. E. Bekker. System des heutigen Pandektenrechts, Weimar, 1866, S. 62.

⁷⁰ I. Baron. Pandekten. Leipzig, 1887, S. 32.

в правоотношении занимают вещи, если они не являются его объектом? Вопрос этот важен для правоотношений собственности и других имущественных правоотношений, связь которых с вещами бесспорна.

Говоря о содержании правоотношения, мы отмечали, что ему присуще материальное, идеологическое и юридическое содержание. Но так как всякое явление воздействует на определенный объект своим содержанием, то у правоотношения должен быть не только юридический, но также идеологический и материальный объект.

Юридическое содержание правоотношения образуют права и обязанности его субъектов, а юридическим объектом правоотношения будет то, на что эти права и обязанности направлены. Субъективное право, предоставленное управомоченному, определяет меру дозволенного поведения. Направлено же оно на то поведение обязанного лица, на которое вправе притязать управомоченный. То же самое поведение выступает и в качестве объекта, на который направляется обязанность. Следовательно, поведение обязанного лица является объектом субъективных прав и обязанностей, а значит, и объектом правоотношения.

Идеологическое содержание правоотношения образует воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в субъективных правах и обязанностях, принадлежащих участникам правоотношения. В норме права воля господствующего класса выражается в форме общеобязательного правила поведения. В субъективных правах и обязанностях она выражается в форме определения государством возможного и должного поведения их носителей. Тем самым воля отдельных лиц как участников правоотношения ставится в подчинение воле господствующего класса. Воля этих лиц является идеологическим объектом правоотношения.

Нетрудно заметить, какое существенно различное значение для правоотношения имеет его юридический и его идеологический объект. Управомоченный имеет право на определенное поведение обязанного лица (юридический объект), но не на его волю (идеологический объект). Воля субъектов правоотношения не является объектом их взаимных притязаний, а выступает в качестве объекта воздействия со стороны норм объективного права, которое последние осуществляют посредством правоотношения.

Следует при этом иметь в виду, что нормы права воздействуют на волю людей не только при помощи правоотношений, но и самим фактом своего существования. Взять хотя бы воспитательное воздействие норм советского социалистического права. Совершенно очевидно, например, что воспитательное значение норм уголовного права проявляется не только после совершения преступления и не только по отношению к преступникам, но и по отношению ко всем честным советским людям уже хотя бы потому, что эти нормы вселяют в них уверенность в том, что ни одно преступление не может остаться безнаказанным, что с преступлениями социалистическое общество ведет борьбу самым решительным образом. Однако специфика правового воздействия на волю людей посредством правоотношений состоит в том, что в этом случае оно осуществляется не просто путем провозглашения общеобязательных правил поведения, а путем предоставления на основе таких правил субъективных прав и возложения обязанностей на конкретных лиц.

Материальное содержание правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется. Общественное отношение, регулируемое нормами права, может и не иметь своего материального объекта, примером чему могли бы служить родственные отношения. Тогда материальный объект отсутствует и в правоотношении. Далее, некоторые общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, сами носят идеологический характер. Объект таких общественных отношений также является идеологическим по своей природе, но он уже воплощается в определенной материальной форме. Таковы, например, общественные отношения, возникающие в результате авторского творчества создателей произведений науки, литературы и искусства. Объектом таких отношений является творче-

ская мысль автора, при том, однако, непременном условии, что она получила объективное выражение, т. е. определенное материальное воплощение. В этом смысле мы можем говорить, что отношения такого рода имеют свой материальный объект, являющийся вместе с тем и материальным объектом соответствующего правоотношения. Наконец, те общественные отношения, которые имеют решающее значение, – отношения общественного производства – обладают своим материальным объектом, каковым являются средства производства. Когда такие отношения подвергаются правовому регулированию, то их объект (средства производства) становится материальным объектом правоотношения.

Этим и определяется значение вещей в правоотношениях. Если данное правоотношение так или иначе связано с вещью, то вещь выступает в качестве его материального объекта.

Юридический и материальный объекты также имеют для правоотношения существенно различное значение. На юридический объект (поведение обязанных лиц) правоотношение воздействует непосредственно. На вещи (материальный объект) правоотношение может воздействовать не непосредственно, а лишь через поведение его участников. Именно таким путем социалистическое право выполняет свою активную роль в обеспечении неуклонного роста социалистического производства путем как создания новых, так и максимально эффективного использования наличных технических средств. Создают новую и новейшую технику и используют ее люди, а не право. Но, воздействуя на поведение людей как участников правоотношений, нормы права обеспечивают такое направление их деятельности, которое необходимо для дальнейшего развития и роста социалистического производства. Разграничивая юридический и материальный объекты в теории, мы получаем, таким образом, возможность правильно определить столь важные для практики формы активного воздействия норм права и правоотношений на базис социалистического общества, а также на социалистическое производство.

Наряду с этим разграничение юридического и материального объектов важно и для решения практических вопросов сугубо правового характера. Если бы дело ограничивалось только материальным объектом, это нередко приводило бы к тому, что существенно различные по своему характеру правоотношения имели бы один, и тот же объект. Представим себе, например, что собственник вещи сдал ее внаем, а наниматель передал эту вещь во временное пользование поднанимателю. Перед нами три вида правоотношений: правоотношения собственности, найма и поднайма. Их материальным объектом является одна и та же вещь. Но их юридические объекты различны, поскольку управомоченные субъекты каждого из перечисленных правоотношений могут притязать на различные действия обязанных лиц. Именно таким путем различные виды правоотношений могут быть разграничены не только по их содержанию, но и по их объектам.

Необходимо, наконец, обратить внимание и еще на одно весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что не все общественные отношения, регулируемые правовыми нормами, имеют свой материальный объект. Поэтому если бы в качестве объекта правоотношения мог выступать только материальный объект, пришлось бы признать, что в ряде случаев правоотношения, а стало быть, и заключенные в них права и обязанности являются безобъектными. Известно, что к подобному выводу оказались вынужденными прийти авторы, которые считали, что вещь является единственно возможным объектом правоотношения. Но право без объекта, право, которое ни на что не направлено, – какое же это право? В действительности же дело обстоит таким образом, что у правоотношения может отсутствовать материальный объект, если его нет у регулируемого правом общественного отношения, но в то же время всякое правоотношение всегда имеет свой юридический объект – то поведение обязанного лица, на которое может притязать управомоченный. Таким образом, лишь путем разграничения материального и юридического объектов мы раз и навсегда избавляемся от лишнего какого бы то ни было смысла вывода о возможности существования безобъектных правоотношений.

Так обстоит дело со значением вещей для правоотношений, которое, как видно из сказанного, ни в какой мере не умаляется вследствие признания за поведением людей значения *юридического* объекта правоотношений.

Попытаемся теперь под этим углом зрения подвергнуть хотя бы краткому анализу суждения об объекте права, высказанные Н. Г. Александровым в его работе «Законность и правоотношения в советском обществе», оставляя при этом в стороне критические замечания автора против теории объекта-действия, поскольку они были рассмотрены ранее.

Автор признает, что «волевое поведение людей как участников общественных отношений... является объектом воздействия для правовых норм...»⁷¹. Поскольку в другом месте он указывает, что «...все нормы права реализуются в общественной жизни через правоотношения»⁷², следует прийти к выводу, что, с точки зрения Н. Г. Александрова, поведение является также объектом воздействия со стороны правоотношения. Почему же в таком случае нельзя признать поведение объектом правоотношения? Оказывается потому, что, во-первых, «...вопрос об объекте правового воздействия не следует смешивать с совершенно другим вопросом, лежащим в иной плоскости, а именно – с вопросом о внешнем объекте (предмете) поведения людей...»⁷³; во-вторых, «наше действующее законодательство, – имеется в виду гл. III ГК РСФСР, именуемая “Объекты прав (имущества)”, – О. И., – термин “объект права” применяет не в смысле объекта правового воздействия (правового регулирования), а только в смысле внешнего объекта поведения участников имущественных отношений»⁷⁴; в-третьих, объект в этом смысле свойственен лишь имущественным отношениям и является главным признаком их отграничения от отношений неимущественных⁷⁵.

Необходимо прежде всего отметить, что объект в том смысле в каком его понимает Н. Г. Александров, свойственен не только имущественным правам. Взять хотя бы право автора на неизменность его произведения. Неимущественный характер этого права сомнений не вызывает. Но у такого права есть свой внешний объект, каковым является не вещь, а авторское произведение. Из этого следует, что наличие внешнего объекта не является специфическим признаком только имущественных отношений и что даже *внешним* объектом правоотношения не обязательно должны быть только вещи (имущества). Из этого следует далее, что выводы о так называемом внешнем объекте нельзя базировать всецело и исключительно на главе III Гражданского кодекса. Во-первых, в ней речь идет лишь об объектах имущественных отношений, ибо Гражданский кодекс, как известно, личных неимущественных прав вовсе не касается, а потому и не предпринимает вопроса об их объектах; во-вторых, эта глава действительно говорит о внешнем (или, как мы бы сказали, материальном), но не о юридическом объекте правоотношения, а потому и не может служить решающим доказательством в пользу признания или, наоборот, отклонения той или иной точки зрения по данному вопросу.

Но что собой представляет внешний объект правоотношения в трактовке Н. Г. Александрова? Автор прямо говорит, что он имеет в виду не объект права, а объект поведения людей⁷⁶. Как же, однако, быть с объектом права или, как мы его называем, с юридическим объектом правоотношения? С точки зрения Н. Г. Александрова, надлежало бы прийти к выводу, что такого объекта вообще не существует, что у правоотношений нет своего объекта, что у них в лучшем случае имеется внешний объект, который к тому же является не объектом правоотношения, а объектом поведения его участников.

⁷¹ Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе, стр.116.

⁷² Там же, стр.92.

⁷³ Там же, стр. 116–117.

⁷⁴ Там же, стр. 117.

⁷⁵ См. там же.

⁷⁶ См. там же, стр. 117, 119.

Пусть теперь судит читатель, какой взгляд является, по выражению Н. Г. Александрова, глубоко ошибочным⁷⁷ – взгляд, который признает поведение юридическим, а вещи материальным объектом правоотношения, или взгляд, который объявляет все неимущественные отношения безобъектными, признавая наличие объекта только в имущественных отношениях, да и то лишь в качестве объекта поведения, но не объекта права?

---

⁷⁷ См.там же, стр.118.

5

Обычно принято в общей характеристике элементов правоотношения относить к их числу и тех субъектов, между которыми правоотношение устанавливается. Вместе с тем против этого иногда возражают, ссылаясь на то, что правоотношение есть отношение между людьми, а потому сами люди не могут быть элементами правоотношения. Но этот спор едва ли имеет под собой какую-либо принципиальную основу. Так, например, в учебнике политической экономии говорится, что «производительные силы выражают *отношение* людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ»⁷⁸. Это обстоятельство не препятствует, однако, признанию того, что в состав производительных сил общества входят, наряду с орудиями производства, «...люди, приводящие в движение эти орудия и осуществляющие производство материальных благ благодаря производственному опыту и навыкам к труду...»⁷⁹. Но если люди вообще могут входить в состав отношений, в которых они участвуют (например, в состав отношений к предметам и силам природы), то почему же такая возможность исключается для правоотношений? С другой стороны, как ни именовать субъекта правоотношений, никакого влияния на характер исследования данной проблемы это обстоятельство оказать не может. Изучение правоотношения обязательно предполагает, наряду с анализом всех других его элементов, также и исследование правового положения его субъектов.

Известно, что в науке гражданского права принято различать категории правоспособности и дееспособности, а так как для обладания большинством гражданских прав достаточно одной лишь правоспособности, многие цивилисты приходят к выводу, что правоспособность и правосубъектность понятия тождественные. Этот тезис, который мог бы получить некоторое обоснование в пределах гражданского права, был, однако, подвергнут известной генерализации в работах по теории права. Так Н. Г. Александров говорит уже общим образом о том, что «признаваемая государством за отдельным человеком или коллективом способность быть субъектом правоотношений называется *правоспособностью* или *правосубъектностью*»⁸⁰.

Ход рассуждений, приводящий к подобному выводу, примерно таков: субъекты права – это лица, которые признаются способными иметь права и обязанности; но способность иметь права и обязанности называется правоспособностью; следовательно, правосубъектность и правоспособность – понятия равнозначные.

Мы не можем, однако, согласиться с этим выводом по следующим соображениям.

Во-первых, одной только правоспособности достаточно лишь для обладания некоторыми, например гражданскими (имущественными), правами. Для того же, чтобы быть носителем многих других прав (избирательских, брачных и т. п.), необходимо наличие не только право-, но и дееспособности. «В этих случаях, – указывает Н. Г. Александров, – можно говорить о праводеспособности как едином свойстве субъекта, придаваемом ему государством»⁸¹. Но это равносильно признанию того, что «в этих случаях» *нельзя* говорить о равнозначности правоспособности и правосубъектности⁸².

Во-вторых, даже в пределах гражданского права рассматриваемый вывод мог бы быть распространен не на всех его субъектов, а лишь на граждан, поскольку правоспособных, но не дееспособных юридических лиц не существует: юридические лица всегда обладают и право–

⁷⁸ Политическая экономия (учебник), второе дополненное издание. Госполитиздат, 1955, стр.8 (курсивом. – О.И.).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Н. Г. Александров, ук. соч. стр.134.

⁸¹ Там же, стр.149.

⁸² Ср. А. В. Венедиктов. О субъектах, социалистических правоотношений. Советское государство и право, 1955, № 6, стр.20.

и дееспособностью. Значит, и в этом случае правосубъектность и правоспособность весьма далеки от тождества.

В-третьих, если даже ограничиться правосубъектностью граждан в области одного лишь гражданского права, то и тогда отождествление правоспособности с правосубъектностью не могло бы быть проведено последовательно и до конца. Что значит – обладать субъективным правом? Ответить на этот вопрос можно лишь исходя из сущности субъективного права, которое представляет собой меру возможного поведения самого управомоченного и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. Соответственно этому обладание субъективным правом означает обладание возможностью совершать определенные действия и возможностью требовать от других лиц определенного поведения. Но для того чтобы такая возможность возникла, недостаточно правоспособности. Нужна также дееспособность как необходимая предпосылка осуществления прав и исполнения обязанностей.

Мы полагаем поэтому, что лишь два общественно-юридических качества в своем единстве – правоспособность и дееспособность – могут составить ту общественно-правовую категорию, которую принято именовать правосубъектностью.

Но против этого тезиса на дискуссии о правосубъектности, проведенной в 1955 г. на юридическом факультете Ленинградского университета, было выдвинуто весьма существенное возражение. А. В. Венедиктов, выступивший на дискуссии в качестве докладчика, указал в заключительном слове, что нужно продумать, как согласуется с подобным взглядом признание правосубъектности за недееспособными лицами (малолетними и душевнобольными)⁸³.

Представляется, однако, что никакого противоречия между сформулированным тезисом и признанием правосубъектности за недееспособными нет. В самом деле, почему закон признает необходимым назначение к недееспособным лицам опекунов и попечителей либо возложение их функций на родителей? Потому, что для осуществления правосубъектности недостаточно одной лишь правоспособности, а правосубъектность без ее осуществления лишена какого бы то ни было смысла. Назначение к недееспособным дееспособных лиц вытекает и из самой сущности права как совокупности норм, как совокупности общеобязательных правил поведения. Только вследствие назначения дееспособных лиц к недееспособным может быть обеспечено в данном случае то поведение, которое в нормах права признано общеобязательным.

Таким образом, закон исходит из того, что для правосубъектности необходимо обладание правоспособностью и дееспособностью. В очень многих случаях оба эти качества должны быть объединены в одном лице для того, чтобы его можно было признать субъектом соответствующих прав. Наряду с этим по отношению ко многим правам (в частности, по отношению к гражданским правам) правосубъектность возникает при наличии у данного лица одной лишь правоспособности. Однако законодатель принимает необходимые меры к тому, чтобы правоспособность данного лица была восполнена дееспособностью другого лица, ибо в противном случае его правосубъектность оказалась бы лишенной реального смысла.

Итак, для признания правосубъектности не всегда необходимо, чтобы правоспособность и дееспособность совпадали в одном лице. Но что оба названных качества должны быть воссоединены (в одном лице или путем назначения к нему дееспособного лица) для того, чтобы правосубъектность была реальной, а не чисто номинальной, – в этом, на наш взгляд, едва ли можно сомневаться. Исходя из изложенного, мы и приходим к выводу, что правосубъектность – это категория, охватывающая понятия как правоспособности, так и дееспособности.

Каково же соотношение между правосубъектностью и субъективными правами?⁸⁴

⁸³ См. «Вестник ЛГУ», 1956, № 5, стр. 146.

⁸⁴ Те авторы, которые отождествляют правоспособность и правосубъектность, ставят вопрос о соотношении правоспособности и субъективных прав. Соответственно выводами, сформулированными ранее, мы будем говорить о соотношении правосубъектности и субъективных прав.

В литературе были высказаны на этот счет две различных точки зрения. Согласно одной из них, выдвинутой М. М. Агарковым, содержание правоспособности зависит не только от факта ее признания за данным лицом со стороны государства, но и от того, какими реальными правами данное лицо обладает, в каких отношениях с другими лицами оно находится. Так, например, мало признать за лицом способность вообще страховать имущество. Для того, чтобы эта способность была реальной, лицо должно *обладать* тем или иным имуществом. Таким образом, правоспособность – это не неизменная абстрактная способность вообще иметь права и обязанности, а динамическое явление, так как «гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый данный определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами»⁸⁵. Вместе с тем, не всякое юридическое действие, совершаемое данным лицом и проявляющее его правоспособность, можно считать осуществлением субъективного права, ибо, как указывает М. М. Агарков, субъективному праву всегда противостоит *обязанность* другого лица, между тем как иногда совершаются юридические действия, которым противостоит не обязанность, а лишь *связанность* другого лица. Так, например, лицо, сделавшее оферту, еще *не обязано* перед адресатом оферты, но *связано* возможностью получения от него акцепта. У получателя оферты не возникло еще субъективное право, поскольку договор не заключен, связанность не превратилась в обязанность, количество не перешло в новое качество. Но у него имеется все же нечто большее, чем вообще способность заключить договор: он может путем акцепта заключить *данный* договор. Поэтому, у него нет субъективного права, но есть «образующееся» или так называемое секундарное право⁸⁶.

Таким образом, М. М. Агарков различает три понятия: 1) *правоспособность*, но не в статическом, а в динамическом состоянии, поскольку ее содержание в каждый данный момент зависит от взаимоотношений ее обладателя с другими лицами; 2) *субъективное право*, возникающее на основе правоспособности и характеризующееся тем, что ему противостоит обязанность других лиц; 3) *секундарное право*, являющееся промежуточным звеном между правоспособностью и субъективным правом: оно представляет собой нечто большее, чем правоспособность, так как принадлежит не каждому, а лишь данному лицу, и нечто меньшее, чем субъективное право, так как ему противостоит не обязанность, а лишь связанность других лиц.

Теория М. М. Агаркова была подвергнута критике в работе С. Н. Братуся «Субъекты гражданского права». Вместе с тем автор предложил свое собственное решение вопроса о соотношении правоспособности и субъективных прав. «Правоспособность, – пишет С. Н. Братусь, – необходимое условие для правообладания, т. е. необходимая предпосылка субъективного права. Правоспособность как возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности – абстрактная, т. е. общая возможность, принадлежащая всякому и каждому. Иначе говоря, правоспособность – это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом»⁸⁷. При таком понимании правоспособности то, что «именуют ее отдельными, конкретными проявлениями, становится содержанием субъективного права»⁸⁸. Раз субъективное право является мерой возможного или дозволенного поведения, то никаких секундарных прав не существует: «...так называемые секундарные права являются субъективными правами»⁸⁹, поскольку и в

⁸⁵ М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 70.

⁸⁶ См. там же, стр. 70–73.

⁸⁷ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, 1950, стр. 5.

⁸⁸ Там же, стр. 6.

⁸⁹ Там же, стр. 10.

них заключена мера возможного поведения, и они представляют собой одно из проявлений правоспособности.

Таким образом, С. Н. Братусь различает два понятия: 1) *правоспособность* как абстрактное или суммарное выражение способности обладать предусмотренными законом правами и обязанностями; 2) *субъективное право* как меру возможного или дозволенного поведения, как всякое проявление правоспособности.

Присоединяясь, в основном, к последней теории и не соглашаясь с теорией М. М. Агаркова, мы полагаем, что выводы С. Н. Братуся нуждаются в известных коррективах, а в связи с этим – в некотором дополнительном обосновании.

Для того чтобы у данного лица возникли те или иные субъективные права, недостаточно одной лишь правосубъектности, но необходимо также наступление определенных, законом предусмотренных юридических фактов. Это относится и к таким субъективным правам, которые возникают одновременно с возникновением правосубъектности. Например, одновременно с рождением у лица появляется правосубъектность и право советского гражданства. Но для возникновения правосубъектности достаточно одного лишь факта рождения, а для того, чтобы у родившегося возникло право советского гражданства, необходимы иные юридические факты (например, рождение от родителей, являющихся советскими гражданами). Таким образом, между правосубъектностью и субъективным правом имеется промежуточное звено в виде юридических фактов, каковыми могут быть не только события, но и действия, причем действия, которые отнюдь не всегда представляют собой осуществление субъективного права. Так, если лицо находит утерянную гражданином вещь, то оно совершает правомерное действие, порождающее для него и обязанности (вернуть вещь собственнику) и права (право на вознаграждение). Но само это правомерное действие не является, конечно, осуществлением субъективного права.

Поэтому, в отличие от С. Н. Братуся, мы считаем, что не всякое проявление правосубъектности есть субъективное право, что между правосубъектностью и субъективными правами имеется промежуточное звено в качестве которого иногда выступают и правомерные действия, не являющиеся осуществлением субъективного права. Однако возможность совершения подобных действий нельзя считать и секундарным правом, как думает М. М. Агарков. Речь идет лишь о возможности совершения таких действий, которым закон придает силу юридического факта. Конечно, не каждым лицом может быть совершено *при всех условиях* то действие, которое необходимо для установления *данного* правоотношения. Так, акцептовать оферту может лишь тот, кому она направлена. Но происходит это не потому, что у данного лица возникло секундарное право, а потому, что для возникновения некоторых правоотношений необходимо наступление определенной *совокупности* юридических фактов, причем наступившая часть юридических фактов иногда создает возможность породить своим действием правоотношение не для всех, а лишь для данного лица. Так, для заключения договора требуется оферта и акцепт. Но если оферта уже была сделана, то для возникновения правоотношения необходим еще один юридический факт – акцепт, который может совершить не всякое, а лишь данное лицо. Однако это обстоятельство так же мало влияет на его правоспособность, как не расширяет пределов правоспособности гражданина, нашедшего утерянную вещь, тот факт, что именно ему, а не другому лицу удалось ее обнаружить. Право участвовать в договоре имеет каждый, кто обладает правосубъектностью. Но отсюда вовсе не следует, что каждое правосубъектное лицо может притязать на заключение данного конкретного договора.

Отрицание понятия секундарного права приводит нас и к отрицанию понятия динамической правоспособности. Выдвигая это понятие, М. М. Агарков допустил по существу смешение *процесса образования* субъективного права с правоспособностью. Для того, чтобы у данного лица возникло субъективное право, оно должно обладать правосубъектностью. Но непосредственно из правосубъектности субъективные права не возникают. Необходимо еще наступле-

ние определенных юридических фактов. В этом качестве могут выступать события, действия и даже самые субъективные права, которыми лицо уже обладает. Но субъективное право, играющее одновременно роль юридического факта, правосубъектности не порождает, а само появляется потому, что правосубъектность уже существует. Следовательно, отношения, в которых субъект права находится с другими лицами, имеют значение не для его правосубъектности (или правоспособности, как говорит М. М. Агарков), а для приобретения на основе уже имеющейся правосубъектности данных конкретных прав в отношениях с данным конкретным лицом.

Итак, с нашей точки зрения, нужно различать три понятия: 1) *правосубъектность* как категорию, охватывающую правоспособность и дееспособность; 2) *субъективное право* как меру возможного поведения и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц; 3) *юридические факты* как промежуточное звено между правосубъектностью и субъективным правом⁹⁰, с тем, что в этом качестве могут выступать не только события и действия, но и сами субъективные права.

Характеризуя понятие правоспособности, Н. Г. Александров указывает, что «правоспособность надо рассматривать как своеобразное длящееся отношение между лицом и государством, отношение, обуславливающее возможность для лица при наличии фактических условий, предусмотренных юридической нормой, становиться участником правоотношения того или иного вида, то есть обладать теми или иными правомочиями и нести те или иные обязанности»⁹¹. Если оставить в стороне вызывающее сомнения отождествление правоспособности и правосубъектности, то нельзя не согласиться с Н. Г. Александровым в том, что правосубъектность – это отношение между лицом и государством, но не между ним и другими лицами. Действительно, какие требования данное лицо по линии правосубъектности могло бы предъявить к другим лицам? По-видимому, лишь одно требование, а именно – чтобы они признавали его субъектом права. Но такое признание зависит не от них, а от государства. Поэтому сущность правосубъектности сводится к длящемуся отношению субъекта права с государством. Напротив, субъективное право есть отношение не только с государством, но и с обязанным лицом. На этой основе и может быть проведено, на наш взгляд, разграничение понятий правосубъектности и субъективного права.

Правосубъектность как длящееся отношение лица с государством исчерпывается лишь одной возможностью – мерой дозволенного данному лицу поведения. Субъективное право включает в себя не только меру дозволенного поведения, но и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. И до тех пор, пока юридические факты не породили этой последней возможности, перед нами либо только правосубъектность, либо также и наступившая часть юридических фактов, но еще отсутствует субъективное право. Это положение особенно ярко иллюстрируется на примере сделанной, но еще не акцептованной оферты, т. е. на том примере, который обычно приводится в обоснование отвергаемой нами категории секундарных прав. Направление оферты есть проявление правосубъектности, но не субъективного права, так как это действие ни к чему не обязывает других лиц, а представляет собой совершение того, что государством дозволено. Возможность принять оферту, акцептовать ее вытекает из правосубъектности и наступившего юридического факта (получения оферты), но не составляет осуществления права, ибо никаких претензий к оференту акцептант в силу одной лишь возможности принятия оферты предъявить не вправе. Возможность предъявления претензий к оференту (в том числе и притязаний, связанных с тем, что оферент, не дожидаясь получения акцепта, заключил договор с другим лицом) возникает лишь после того, как оферта

⁹⁰ Ср. А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений. «Советское государство и право», 1955, № 6, стр. 19–20.

⁹¹ Н. Г. Александров, ук. соч. стр. 134.

будет акцептована, т. е. после заключения договора и возникновения на его основе субъективных прав и обязанностей. По этой линии, т. е. по линии появления возможности требовать определенного поведения от обязанных лиц, и проходит граница между субъективным правом и правосубъектностью.

Субъекты правоотношений, или, как их иначе называют, субъекты права, подразделяются обычно на три вида: 1) государство, 2) граждане, 3) юридические лица. Однако последний член этой классификации («юридические лица»), весьма важный в гражданском праве, не имеет всеобщего значения, поскольку в других отраслях советского права (например, в государственном, административном, процессуальном праве) в качестве субъектов нередко выступают организации, не являющиеся юридическими лицами⁹². Ввиду этого в учебном пособии по теории государства права, изданном в 1955 г., вообще исключено обобщенное понятие для организаций как субъектов права, которое заменено их перечнем (государственные организации трудящихся, общественные организации трудящихся)⁹³.

Но перечень, даже исчерпывающий, неспособен заменить общего научного понятия, а самая наука начинается лишь там, где появляются обобщения. Что же может служить таким обобщением для разнообразных организаций (государственных, колхозных, кооперативных, различных иных общественных организаций), которые выступают в качестве субъектов социалистических правоотношений? Можно ли признать, что эту роль в состоянии выполнить понятие социальной реальности, которым оперирует Д. М. Генкин⁹⁴.

По-видимому, нет, ибо автор сам пишет, что «...право и правовые отношения... являются социальной реальностью»⁹⁵. Значит, качество социальной реальности свойственно не только правосубъектности, но также правоотношениям и праву в целом. Поэтому, характеризуя организации в качестве субъектов права, нельзя поставить точку на понятии социальной реальности, но нужно выяснить также ту специфику, которой они отличаются от других социальных реальностей. Д. М. Генкин учитывает это обстоятельство, когда он переходит к анализу правового положения кооперативно-колхозных организаций. «...Для колхоза, промысловой артели, сельского потребительского общества как юридических лиц характерно наличие *коллектива членов*, выражающих в правовом отношении волю этих организаций»⁹⁶. Следовательно, специфика такой социальной реальности, как кооперативно-колхозная организация, выступающая в качестве юридического лица, воплощается в образующем ее коллективе членов. Какова же тогда специфика государственных юридических лиц? Д. М. Генкин отрицает правосубъектность и за директором государственного юридического лица⁹⁷, и за коллективом его работников, возглавляемым директором⁹⁸. Не найдя живых людей, воплощающих в себе правосубъектность госоргана, Д. М. Генкин пришел к следующему определению его юридической личности: «Госорган – это не обособленное имущество, а юридическое лицо, являющееся

⁹² В то же время необходимо учитывать следующее безусловно правильное положение, сформулированное А. В. Венедиктовым: «Институт юридического лица действительно – категория гражданского права. Но, во-первых, ряд юридических лиц, если так можно выразиться, обязан своим возникновением не гражданскому праву, а другим отраслям права, в первую очередь государственному и административному праву. Достаточно назвать государственные юридические лица. Во-вторых, признавая социалистическую организацию юридическим лицом, т. е. субъектом гражданского права, советский закон учитывает юридическую личность социалистической организации в других областях правоотношений» (А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений, стр.23).

⁹³ См. «Теория государства и права», под ред. М. П. Каревой и Г. И. Федькина, 1955, стр. 410.

⁹⁴ См. Д. М. Генкин. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР. Сб. научных работ Моск. ин-та нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова, вып. IX, 1955, стр. 8, 16–17.

⁹⁵ Там же, стр. 16.

⁹⁶ Там же, стр. 9.

⁹⁷ См. там же, стр. 15.

⁹⁸ См. там же, стр. 11–12.

социальной реальностью, наделяемое имуществом для достижения возложенных на юридическое лицо задач»⁹⁹

---

⁹⁹ Там же, стр.17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.